

ОЛЕТ
НИКИТИН

ПАДЕНИЕ СКВОЗЬ ВЕТЕР

Олег Викторович Никитин

Падение сквозь ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157808
Олег Никитин. Падение сквозь ветер: Ермак, АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-024526-2, 5-9577-1446-1

Аннотация

...Была война. Война Империи магов против мятежной колонии Азианы. Война, в которой использовали запретное Заклятие Бесплодия, равно губительное и для победителей, и для побежденных. Война давно окончена. Вымирает Империя. Вымирает Азиана. Но даже люди, у которых нет будущего, не перестают интриговать и совершать преступления. И лучшее доказательство тому – загадочная гибель мага-ученого, совершившего, как говорят вполголоса, важное открытие.

Содержание

Глава 1. Дешевые чудеса	4
Глава 2. Орден магов	10
Глава 3. Первый свидетель	16
Глава 4. Дневник Мегаллина	22
Глава 5. Таксидермия	30
Глава 6. Желтая мазь	38
Глава 7. Маккафа	43
Глава 8. Версия	55
Глава 9. Призраки прошлого	61
Глава 10. Динника	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Олег Никитин

Падение сквозь ветер

Евгении

Глава 1. Дешевые чудеса

Сквозь полуоткрытый полог, свернутый в подобие трубки и пришпиленный к боку балагана, вместе с шумом площади, пылью и диким месивом запахов проникали косые лучи заходящего солнца. Они рассыпались брызгами по стеклянным колбам и пузырькам, которые беспорядочно громоздились на походном столе.

Валлент отер пот со лба и возобновил демонстрацию раствора, уничтожающего при своем распылении всякие запахи. Над полем для эксперимента возвышалась долговязая фигура унылого покупателя. Тот недоверчиво наблюдал, как бывший сотрудник Отдела частных расследований, а ныне вольный магистр Валлент смешал в чистой колбе несколько заговоренных порошков, разбавил их водой и тщательно взболтал смесь.

– Извините, для проверки состава мне нужно нечто весьма пахучее, – сказал Валлент и без колебаний принес из самого дальнего конца балагана плотный парусиновый пакет. Развязав тесемку, он протянул его посетителю, предлагая ознакомиться с содержимым. Внутри лежаладохлая крыса, отвратительно вонявшая. Любой без труда смог бы определить, что она мертва уже по меньшей мере неделю. И действительно, Валлент изловил ее на приманку ровно восемь дней назад, когда предыдущий экземпляр пришел в полную негодность и напоминал скорее кучку костей и обрывков шкурки.

Клиент отшатнулся и зажал нос пальцами. Однако Валлент не удовлетворился результатом и с невозмутимым видом помахал пакетом, вытянув руку к самому лицу посетителя.

– Прекратите, бес побери! – вскричал тот с выпученными глазами. – Вы хотите, чтобы я ушел?

Валлент сжалился над покупателем и завязал свой мерзкий мешок, но вонь, разумеется, не исчезла и продолжала висеть в воздухе смрадными клубами.

– Прошу вас удостовериться, что запах по-прежнему присутствует, – вежливо произнес он, зная, что клиент уже на крючке, даже если он сам и не понимает этого. – Заметьте также, что ваша собственная одежда пропиталась им. Когда вы придете домой к ужину, ваша супруга будет очень недовольна.

Валлент знал, о чем говорил – он вымочил дохлую крысу в специальном растворе, обеспечивающем небывалую стойкость зловонию, так что оно выветривалось только спустя три-четыре дня после проникновения в ткань. Разумеется, одежда самого продавца хранила на себе высохший слой совершенно другого, защитного раствора.

Растерянный клиент прижался носом к своему желтому камзолу, весьма пыльному и потрепанному, и скрипнул зубами от злости. Впрочем, у него хватило смекалки, чтоб не ругаться с продавцом. Валлент усмехнулся и еще раз перемешал содержимое колбы, после чего аккуратно слил полученную жидкость в порошок и наклеил на него пустую этикетку. Макнув в чернила перо, он вывел на ней: «Антинюх, наружное средство для уничтожения запахов. Применять ограниченно, по назначению мага». Затем он написал свое имя и проставил дату изготовления. На этом особо настаивала имперская Канцелярия, внесшая соответствующий пункт в «Кодекс торговца, оказывающего магические услуги населению». Надо заметить, что эти буквоеды скоро зачислят в торговцы всякого, способного прочитать несколько слов в полулегальном «Руководстве по общей и прикладной магии».

Рутинная процедура красивого заполнения этикетки отняла несколько минут.

– Пожалуйста, вот ваша покупка, – радушно скахзал Валлент, кивая на порошок. – Тридцать дукатов, и она ваша.

– Это очень дорого! – возмутился покупатель, решительно мотая головой. – За такие деньги я мог бы купить себе новый камзол.

– Хорошо, двадцать девять, и ни монетой меньше, – отрезал Валлент. – Орден монополизировал торговлю компонентами и требует за них несусветные деньги, так что они обошлись мне ненамного дешевле. Вы же не хотите сказать, что мой труд ничего не стоит? Кроме того, такого количества жидкости вам хватит, чтобы целый месяц опрыскивать выгребную яму.

Хмыкнув, клиент полез в кошелек, извлеченный им из специального кармана на широком поясе, и стал отсчитывать монеты, зажимая их в кулаке. Наконец он наскреб нужную сумму и высыпал горстку меди на стол. Валлент легко надавил на распылитель, и облачко мельчайших капель осело на одежде покупателя. Тот подозрительно принюхался, и его лицо расплылось в улыбке благодарности. Действительно, ужасающий дух полностью исчез, вообще пропали какие бы то ни было запахи, в том числе и попавшие в палатку извне.

– Скажите, а его можно употреблять внутрь? – уже от выхода поинтересовался довольный клиент, вертя в руке порошок. – Я имею в виду, прыскать им в рот?

– Можно, но делать этого все же не стоит, – сказал Валлент. – И не вздумайте выпить его.

Он уже начал укладывать свои вещи в большой парусиновый мешок, располагая свой товар слоями: бумажные пакеты перемежались склянками и наоборот. Вся тонкость с такого рода препаратами, как уничтожитель запахов, заключается в том, чтобы не причинить заметного вреда человеку. А навредить очень легко, если допустить перекосы в количественных долях компонентов. Все это фокусы для магов-первогодков, практикующихся в безобидных опытах на людях и их ощущениях. Ведь на самом деле несчастный покупатель по-прежнему «благоухал», как протухшая крыса, а пресловутый «уничтожитель» всего лишь временно лишил его нос чувствительности. Правда, всякий, с кем он будет общаться, невольно получит свою дозу магического зелья и тоже на время утратит обоняние, так что с этой стороны все выглядит вполне честно. Куда как сложнее создать объективную реальность – например, сквозняк в закрытом помещении, который бы вызвал колебание штор и смахнул бумаги со стола. Это знание доступно только настоящим специалистам, обучавшимся в Ордене, но уж во всяком случае не любому проходивцу, раздобывшему какую-нибудь десятую копию «Самоучителя молодого мага», переполненную фактическими ошибками. Там, кстати, и в «Приложении для продвинутых» не найти упражнений по такого рода магии.

Последнее, что сунул Валлент в свой мешок, было позволение на торговлю товарами мнимой магии иллюзий, называвшейся среди торговцев и населения прикладной. Оно висело в неокрашенной рамке, под стеклом рядом со входом в балаган.

– Уже уходишь? – спросил его Уммон, в окружении нескольких помощников стоявший неподалеку, рядом с таким же точно брезентовым куполом, из которого арендатор и его слуга вытаскивали ящики с посудой. Валлент кивнул на заходящее солнце, позолотившее даже мрачное, угловатое здание городского суда. Тем временем подручные Уммона по его знаку бодро выдернули из-под плотной ткани шатра металлический шест и стали сворачивать палатку в тугий рулон. По будним дням ярмарка на центральной площади города не работала, и все желающие потолкаться, а то и купить что-нибудь нужное, отправлялись на постоянное рыночное место в южной части столицы, на левый берег Хеттики.

– Позвольте вам помочь, – сказал кто-то рядом с Валлентом. Магистр обернулся и увидел молодого человека, почти мальчика, облаченного в плащ глубокого синего цвета, негласно принятый в качестве форменной одежды у сотрудников имперской Канцелярии.

Его длинные светлые волосы были перехвачены лентой. Гладкое лицо юноши, скорее всего, ни разу не тронутое бритвой, выглядело смущенным, когда он неуверенно протянул руку, чтобы принять у Валлента ношу.

– Будь осторожен, малыш, – буркнул магистр и помог ему пристроить на спине увесистый мешок. Парень не вызвал у него никаких подозрений.

Они направились к узкой Подковной улочке, вливавшейся в Конную площадь. Пришлось аккуратно обходить кучи навоза, оставленные лошадьми, и другой малоприятный мусор, скопившийся на брусчатке за долгий летний день. Солнце уже почти скрылось за крышами зданий, и между последними разлилась густая тень, но света было тем не менее достаточно, чтобы не угодить в сточную канаву.

– Меня зовут Бессет, – начал юноша, – и я торопился, чтобы успеть поговорить с вами в вашем шатре и посмотреть на вещества, которые вы используете. Видите ли, я интересуюсь магией, особенно высшей, и думал посмотреть, как вы работаете с компонентами.

– Я всего лишь обыкновенный торговец иллюзиями, учиться у меня нечему. А ты, значит, маг-самоучка?

– Еще нет, – стусевался Бессет. – Я работаю в имперской Канцелярии. В тех книгах, которые я читал, слишком сложные тексты. По правде говоря, я почти ничего не запомнил...

– Это нормально.

– Вы думаете? – обрадовался юноша.

– Без постоянной практики ничего бы не получилось даже у покойного Бекка. Я помню, как в молодости он проводил в своей лаборатории ночи напролет, заучивая сложные заговоры второго уровня.

Бессет недоверчиво покосился на Валлента, с непроницаемым видом шагнувшего рядом. Откуда-то со второго этажа прямо перед ними на край канавы упала груда кухонных отходов, нимало не смутившая Валлента и его спутника.

– Я всегда обращался к нему за консультацией, если сам не мог выяснить, каким образом преступник ухитрился облапошить жертву, – продолжал между тем Валлент. – Надо ли говорить, что Бекк всегда находил решение? Для суда его заключение было так же неоспоримо, как то, что солнце встает на востоке.

– Вы сказали про магию второго уровня, – проговорил Бессет. – Я даже не пытался читать соответствующие трактаты.

– Похоже, у тебя есть к ним доступ? – быстро спросил Валлент.

Юноша рассмеялся и кивнул на сравнительно чистый одноэтажный дом в десятке шагов впереди, на фасаде которого, над широкой дверью, красовалась длинная яркая вывеска: «Бытовая магия». От собственного смеха он закашлялся, а после этого еще несколько минут тяжело дышал и сглатывал, что позволило ему счесть тему малодоступных книг забытой. Валлент толкнул дверь собственного дома, служившего также постоянным помещением для его магазина, и пригласил молодого человека внутрь. Колокольчик на верхней балке звонко тренькнул, и откуда-то из задней половины дома раздался низкий женский голос:

– Приходите завтра, сегодня выходной!

– Это я, Тисса! – отозвался Валлент и кивнул на угол рядом с прилавком.

Бессет осторожно поставил ношу на указанное место и с любопытством осмотрелся, особенно заинтересовавшись застекленным шкафом. В нем магистр хранил наименее ценные компоненты снадобий – толченую шерсть летучих мышей, вяленые заячьи уши, нашинкованные тараканьи усы и тому подобную чепуху, скорее призванную произвести впечатление на покупателей, чем пригодную для изготовления снадобий. Полки за прилавком по причине выходного дня зияли пустотой.

Валлент пригласил молодого человека в свой кабинет, попасть в который можно было только из-за стойки. Дверь, зримо массивную, он открыл небольшим ключом очень сложной формы. Если Бессет надеялся оказаться в лаборатории, изобилующей «стендами» с начатыми и прерванными опытами, древними фолиантами и прочими атрибутами практикующего мага, его постигло разочарование. Здесь действительно имелся монументальный стол, во многих местах изменивший первоначальную расцветку, а кое-где попросту прожженный, но не более того. Возле внутренней стены возвышался шкаф, наверняка набитый стандартными магическими атрибутами. Единственное окно, выходившее в относительно светлый двор дома, было забрано решеткой и на ночь закрывалось ставнями из листового железа. К видимому сожалению Бессета, хозяин тщательно следил за порядком в своем кабинете.

Валлент выдвинул один из ящиков стола, и на свет появилась бутылка без этикетки, литая из очень темного стекла. Оттуда же возникло два бокала, и незначительная часть багровой жидкости перекечевала в них. Магистр опустился в удобное кресло с простыми деревянными подлокотниками, оставив посетителю единственный стул. Бессет отпил вина и восхищенно принялся. Из бокала поднимался горячий виноградный дух, не замутненный алкогольными парами.

– Этому вину не меньше десяти лет, – сказал он.

– Двенадцать, – уточнил хозяин, трогая губами свой напиток. Он не стал добавлять, что в действительности содержимое бутылки давно прокисло, и только примитивные пищевые добавки, имеющиеся у каждого мага, придают ему отменный вкус. – Поскольку я не предлагаю его каждому встречному, тебе придется наконец рассказать мне, с какой целью ты представился. Есть у меня странное ощущение, что ни к чему хорошему наше знакомство не приведет.

Бессет поднял на хозяина недоуменный взгляд.

– Все хорошее для всех нас закончилось тогда, когда началась война с Азианой.

– Это философия, – мрачно заметил Валлент. – Что ты можешь знать про то время? Моему сыну было столько же, сколько тебе сейчас, когда он был призван и ушел с армией Хесстальна на северную границу.

Магистр признался себе, что Бессет чем-то напомнил ему Меллена, когда тот вырядился в традиционный наряд ополченцев и отправился на войну в составе армии, возглавляемой маршалом Империи Хесстальном. Тогда казалось, что одно только это имя способно повергнуть в ужас и обратить в бегство войска мятежной северной провинции.

– Я такая же жертва той войны, как и все, – заметил Бессет. Он растегнул плащ и откинул полы в стороны, так что Валленту стала видна его вышитая крупными звездами рубашка с прямым высоким воротником. – У вас хотя бы был сын, а я никогда не буду иметь детей. Это вы – конечно, не вы лично, а люди вашего поколения – виноваты в том, что народ вымрет через каких-нибудь несколько десятков лет.

Валлент промолчал. Этот мальчишка задел его чувства, похороненные, как думал магистр, где-то в глубинах сознания.

– Вы никогда не думали над тем, что магия третьего уровня могла бы помочь нам выжить? – вдруг спросил Бессет. Теперь он был совершенно не похож на того застенчивого юнца, который вызвался помочь магистру в переноске тяжестей. Он смотрел на хозяина с напряженным вниманием, едва не влезая на стол.

– Я не шарлатан, – отрезал Валлент. – А если, парень, ты где-то вычитал, что создать новую жизнь из ничего можно иначе, нежели проведя какое-то время с женщиной, то я в это не верю. Когда я сказал «из ничего», то не имел в виду жизненную энергию родителей, этот вопрос пока спорный.

Юноша вздохнул и запустил руку во внутренний карман плаща. Вскоре в ней оказался свернутый вчетверо лист бумаги, имперский лоск которой буквально бросался в глаза. Гость протянул лист Валленту через стол и поднялся.

– Я уполномочен передать вам послание личного секретаря Императора, Мастера Деррека, – официально произнес он и чуть-чуть наклонил голову. – А вино у вас замечательное, – добавил он уже не так строго.

– Не уговаривай, не продам, – усмехнулся Валлент. Не притрагиваясь к листку, он также встал и проводил гостя через торговый зал к выходу из дома. Ему показалось, что юноша едва заметно улыбнулся, когда еще раз, уже прощаясь, поклонился и зашагал в сумерках по направлению к центру города, где вплотную к дворцу примыкало малозаметное здание имперской Канцелярии.

Письмо Деррека с невероятной силой влекло к себе магистра, так что он заподозрил скрытую в бумаге магическую «посылку». Он вернулся в кабинет и извлек из-под рубашки амулет, янтарно-желтой каплей вплавленный в простой железный корпус. Последний был густо усеян мелкими точками ржавчины. Расположив амулет горизонтально, Валлент встал между шкафом и столом и несколько секунд наблюдал, как золотистая полоса, растущая из центра камня к его краю, постепенно бледнеет, бегая по кругу. Наконец она стала абсолютно белой, – очевидно, все классы магии смешались и выделить доминирующий было нельзя – и указала на шкаф, в самом деле напичканный всевозможными атрибутами и веществами для «манипулирования» силами огня, воды, земли и воздуха. Письмо секретаря, будучи обыкновенным листом качественной бумаги, не привлекло внимания амулета, иначе бы светлый сектор, указывающий направление на магический предмет, раздвоился.

Когда семь лет назад, сразу после окончания Пятидневной войны, Валлент вышел в отставку, Дерреку едва минуло тридцать. Но он оказался самым опытным среди оставшихся в живых членов Ордена, что и дало ему полное право занять пост Мастера. Несомненно, он не был самым талантливым из молодежи, что открыто признавали все остальные маги, и уступал в даровании совсем юному, по меркам Ордена, двадцатилетнему Мегалину. Но мастерство находить компромиссные решения и очевидная лояльность к Императору гораздо более важны для руководства Орденом магов, чем все остальные качества, вместе взятые.

Валлент протянул руку к листку, расположился в своем любимом кресле и приступил к недолгому чтению. Содержание послания оставило его в неведении относительно замыслов секретаря. Там было только несколько слов, обозначающих время и место завтрашней личной встречи с Дерреком. Кстати, не в Канцелярии, как можно было бы предположить, а в отстоящем от нее на полсотни шагов мрачноватом, тяжеловесном здании Ордена магов. В нижней части листа чернели подпись и клякса личной печати адресанта.

Какого беса этот юнец завел речь о магии третьего уровня? Маловероятно, что им удалось создать живое существо, пусть даже какую-нибудь тощую блоху. И все же если это кому-нибудь и под силу, то лишь магу второго уровня, а все они работали на Орден. Там были собраны многие сколько-нибудь ценные артефакты и редкие компоненты для производства магических смесей. Например, сушеные пупырышки перцовой жабы, в которых содержится самое мощное средство магии огня, или волоски гигантской сколопендры, придающие сокрушительную силу магии земли. А банка с окаменевшей слюной морской собаки, без которой немислимо получение действенного препарата из области магии воды? О перептицы шехх, невидимой с земли и никогда не опускающейся на нее, и говорить нечего, а ведь без него магия воздуха настолько же полноценна, насколько суп без мяса и соли. Множество других редких вещей также хранилось в лабораториях Ордена, в том числе пыльца с крыльев пойманного над океаном махаона, запечатанная в древесной смоле жужелица и прочие диковинки. Они не использовались в реально существующих смесях и заклятиях, а

только упоминались в качестве возможных к применению в трудах авторитетных авторов, рассуждавших о тайне создания жизни.

В целой Эвране не отыскать ни одного мага, который мог бы похвастаться тем, что действительно создал нечто более сложное, чем спичка. Не прибегая к столярным инструментам, разумеется. И тем не менее с удивительным постоянством находились мечтатели из числа магов, приводившие в своих пухлых сочинениях рецепты, один другого невероятнее. Они утверждали, что уж их-то опыты имели успех. Старина Бекк в свое время прочитал Валленту целую лекцию на эту тему, и даже дал ознакомиться с малоценным трудом забытого мага древности. Тот утверждал, что жизнь возникнет на стыке магий огня и воды, если столкнуть их, скажем, во время небольшого пожара. Из остывшего пепла, согласно смелому заявлению автора, должен появиться росток небывалой красоты. На публичной демонстрации своих достижений такого рода сочинители не настаивали, и при этом на все корки ругали предшественников, разрабатывавших тему жизни...

Все дискуссии о магии третьего уровня остались в далеком прошлом, – или оно казалось таким? – в мире, не знавшем разрушительной войны. Она уничтожила заметную часть мужского населения в обеих воюющих странах, когда-то бывших одним государством, географически поделенным на две примерно равные территории. Сейчас, пожалуй, уже не осталось романтиков той эпохи, способных всерьез рассуждать о создании жизни только лишь силой магии.

Следователем Валлент был достаточно удачливым и умелым, разоблачив сонмы разномастных проходимцев от магии. Конфискованные у них трактаты он изучал в свободное от работы время, порой спрашивая совета у Бекка, который подрабатывал экспертом при Отделе. В особо запутанных случаях, когда следователи не могли определить состав того или иного зелья, этот маг всегда помогал им, пользуясь лучшими диагностическими зельями Ордена. Таким образом, Валлент был достаточно подготовлен для того, чтобы слова юного посланца, не поколебав его недоверия к идее существования магии третьего уровня, все же заставили ненадолго усомниться в правильности своих воззрений.

Он сунул письмо в нижний ящик стола, где у него хранились разного рода бесполезные бумаги. Пока он размышлял, стемнело, и Валлент принял решение отправиться утром на встречу с секретарем. Он слегка устыдился того, что простое упоминание магии третьего уровня вывело его из равновесия и почти выдернуло из привычного течения жизни.

Закрыв на крюк ставни, он прошел в жилую часть дома. Тисса что-то вышивала на маленькой круглой салфетке, сидя под лампой. Дрожащий огонек пламени, заключенный в стеклянную оболочку, ложился нервными бликами на ее слегка располневшее лицо. Несмотря на то, что ей было всего двадцать четыре года, ее фигура, некогда стройная, за последние пару лет заметно расплылась.

Девушка подняла взгляд от рукоделия и спросила:

– Кто приходил?

– Посыльный из Канцелярии Императора.

Тисса расставила перед ним тарелки с привычными блюдами: вареными куриными яйцами, куриной же тушкой и кружкой чая. Отдельно лежал солидный кусок черного хлеба, круто замешанного на толченых отрубях.

– Завтра с утра мне придется туда сходить, – сказал Валлент. – Дверь держи на запоре, как обычно.

Глава 2. Орден магов

Утром Валлент выбрал из вороха старой одежды, сохранившейся у него со времен работы в Отделе, самые приличные штаны и рубашку, ни разу не надетые им после отставки. Прибавить к ним еще и темно-зеленый плащ было бы неправильно – все-таки он уже много лет не состоял на службе у Императора. Поэтому Валлент надел обычный серый плащ, который носил в ненастную погоду. В углу платяного шкафа отыскались сморщенные, но почти новые блестящие сапоги.

Согласно солнечным часам, установленным на южном окне дома, у него оставалось еще вполне достаточно времени, чтобы добраться до Ордена, преодолеть магический пост и подняться во владения Деррека, секретаря Императора и Мастера. Очевидно, тот хотел встретиться с Валлентом именно как глава Ордена магов, в противном случае пригласил бы его в Канцелярию. Или дело было настолько секретным, что говорить о нем следовало только под защитой системы безопасности Ордена.

Магистр решил пройти к цели не по прямой, а через Сермяжную площадь. Ему не хотелось рисковать обувью, пробираясь между мусорных куч и засоренных канализационных стоков, давно не чищенных и почти потерявших былое значение. В последние годы специальный сотрудник Ордена периодически старался освободить их от неизбежных заторов, вызывая жуткие ливни. Но в основном этим занимались жители домов, расположенных в непосредственной близости от источников зловония. Только таким образом удавалось поддерживать хотя бы видимость чистоты в жилых кварталах.

Как и вчерашний день, нынешний обещал быть жарким. Тучи мух роились над мусором, скопившимся между строениями, отовсюду шел вязкий, кислый дух разложения и нечистот. Несмотря на летний сезон, имперский маг, специализирующийся на воде, слишком редко промывал городские стоки и улицы: в последний раз это случилось почти неделю назад и принесло лишь кратковременное облегчение. Удивительно, что техническому Отделу еще удавалось поддерживать водоснабжение половины обитаемых домов города. Правда, воды хватало только на самое необходимое, даже несмотря на то, что в столице проживала едва ли треть населения против довоенного, и с каждым днем людей становилось все меньше и меньше. На улице, по которой шел магистр, ему встретилось только несколько человек, в основном пожилых или среднего возраста, и ни одного ребенка. Впрочем, мне самому уже под пятьдесят, усмехнулся Валлент, выбираясь из утренней тени домов на маленькую Сермяжную площадь, в этот час неожиданно людную. Присмотревшись, он понял, что из здания медицинской Академии на углу Дальней и Меловой улиц выносят короткий черный гроб. Вокруг собралось несколько человек, видимо, родственники умершего, среди них несколько детей лет десяти-пятнадцати. Большая часть надела что-нибудь черное. Они молча направились по Меловой улице в сторону кладбища.

Магистр вынул из кармана плаща переносные солнечные часы и решил, что ему стоит поторопиться. Свернув под прямым углом, по Береговой улице он направился к административному кварталу, где находились все государственные учреждения, в том числе дворец Императора. Показались вывески дельцов, специализирующихся на обслуживании богатой клиентуры – они украшали разнообразные нотариальные и адвокатские конторы, парикмахерские, модные ателье и десятки разновидностей торговых лавок. Тут же высилось обветшалое, с выбитыми стеклами здание Народного совета, отданное на разграбление во времена милитаристской истерии, накануне открытого объявления войны Азиане, и с тех пор населенное исключительно летучими и сухопутными мышами и крысами. По преданию, когда-то этот дом с островерхой крышей был Храмом Бога на земле, но впоследствии, при появлении магии, лишился жертвоприношений и пришел в упадок.

Когда он достиг трехэтажного здания Ордена, время приближалось к назначенному. Магистр открыл тяжелую дубовую дверь и вошел в светлый холл, из которого вверх вела одна широкая лестница с простыми перилами. На стенах по обе стороны от входа висели портреты выдающихся Мастеров прошлого, и последним в их ряду был Эннеллий, с выражением спокойного превосходства взиравший на живописца. Мастеру было за шестьдесят, когда он отправился на северную границу с Азианой и спустя десять дней погиб в схватке с магами мятежной провинции, среди которых был и его бывший ученик. Но погиб не только он и его помощники из числа наиболее опытных членов Ордена, но и магический «корпус» врага, а также сам предводитель северян Феррель, когда-то назначенный заместником Императора в северной провинции Азиане. О простых гвардейцах и говорить не приходится, их полегло бесчисленное множество. В той жуткой магической катастрофе не выжил даже маршал Хесстальн и его адъютанты. Портрет Эннеллия был сделан за несколько месяцев до похода, словно Орден предчувствовал смерть Мастера, но в облике самого мага преобладало величавое спокойствие и уверенность в себе. Впрочем, возможно, художник оказался настолько талантлив, что решил оставить потомкам именно такого Мастера, а не озабоченного неурядицами старого человека.

Валлент стоял посреди холла, изучаемый невидимыми глазами, ожидая, пока мелодичный звуковой сигнал возвестит окончание проверки. Наконец он прозвучал откуда-то сверху, напомним посетителю прежние времена, когда Валлент так же точно стоял здесь, готовясь нанести визит Бекку и порой слыша шаги снующих по зданию магов и их учеников. Индивидуальные характеристики его организма по-прежнему хранились в памяти защитной системы Ордена.

Только один раз за те две-три минуты, пока Валлент неподвижно изучал портреты старых Мастеров, на одном из верхних этажей он расслышал глухой стук удаляющихся по коридору шагов, затем невнятный голос, как будто человек говорил сам с собой.

Следователь быстро поднялся на третий этаж, где совсем рядом с лестницей располагался кабинет Мастера, и на всякий случай постучал пальцем по темной дверной панели, вырезанной из какого-то редкого дерева. Если Мастер находится за своим рабочим столом, он все равно не услышит этот стук. Валлент толкнул дверь и не без волнения вошел в огромный темный зал, простиравшийся далеко вдоль здания и выходящий окнами на флигель императорского дворца. Валленту никогда не доводилось бывать здесь раньше. Но со слов Бекка он знал, что дорога от входа до стола, за которым его встретит Деррек, займет почти минуту, так что он мог бы и не колотить по двери. Путь был извилист и проходил между высоких, заставленных пыльными экспонатами стеллажей и музейного вида застекленных ящиков. Окна, занавешенные плотными бордовыми шторами, придавали обстановке некий налет ирреальности.

Сделав последний резкий поворот, он неожиданно очутился перед стеной, которой здесь не должно было быть. Видимо, преграда была возведена не так давно, чтобы разделить библиотеку и собственно кабинет Деррека. По крайней мере, в стене имелась дверь, и Валлент два раза стукнул в нее. Услышав приглашающий возглас Мастера, он вошел в довольно светлое и приветливое помещение, не имевшее ничего общего с библиотекой. Прямо напротив него, за массивным столом восседал Деррек, тридцативосьмилетний Мастер, по совместительству секретарь Императора. Непонятно, почему его должность называлась именно так, скорее он являлся консультантом правителя по вопросам магии, нежели просто человеком, ведущим бумажные дела главы государства. Хозяин кабинета поднял острое широко-скулое лицо от книги, которую просматривал.

– Приветствую вас, Мастер Деррек, – церемонно сказал Валлент и слегка наклонил голову.

– Здравствуйте, магистр Валлент. – Секретарь указал глазами на мягкий стул напротив себя. Когда Валлент мельком встречал его в коридоре Ордена в последний раз, лет восемь назад, будущий Мастер выглядел куда более жизнерадостным. Традиционный красный, с двумя золотыми продольными полосками плащ был небрежно накинут на его узкие плечи, скрепленный у горла тускло-желтой металлической стрелкой.

– Я пригласил вас, магистр Валлент, по достаточно серьезному поводу, – начал Деррек в манере человека, ценящего время. – Надеюсь, вам он также покажется важным. – Мастер повертел в руке перо и продолжал: – Один из членов Ордена, Мегаллин, занимался магией третьего уровня.

Он взглянул на Валлента, который непроизвольно напрягся, вцепившись в подлокотник.

– Если быть точным, он всего лишь изучал возможность овладения магией третьего уровня, как и многие другие до него. Но его незаурядное дарование позволило ему продвигнуться на этом пути несколько дальше, чем все остальные... Я знаю, что вы отличный специалист, при содействии покойного Бекка читали соответствующие труды старых магов. А значит, владеете предметом интересов Мегаллина.

– Это преувеличение, – кашлянул Валлент, принудив себя расслабиться.

– Не скромничайте, магистр. Мы не раз регистрировали мощное магическое излучение от вашего дома. Я давно хотел предложить вам вновь вернуться на службу Императору. Не в Отдел частных расследований, конечно, а в Орден. У нас, как вы знаете, есть определенный... недостаток в сотрудниках. Не стажером, конечно, а... скажем, свободным исследователем.

– Все мои опыты закончились неудачей. И я очень давно не занимался ничем подобным.

– Возможно, вам просто не хватило знания некоторых аксиом, которые содержатся в работах древних и современных магов, – лукаво заметил Мастер, сохраняя при этом серьезное выражение лица. – Но вернемся, однако к Мегаллину. Должен предупредить, что все, услышанное вами, не может быть разглашено ни под каким видом. – Деррек вновь надолго замолчал, холодно глядя куда-то в сторону дворца. – Три недели назад, второго июля, он проводил очередной эксперимент в своей лаборатории на этом этаже, буквально в нескольких шагах от нас, за этой стеной. – Он показал за свою спину, где висел причудливо вышитый абстрактными узорами гобелен. – Незадолго до... смерти он говорил мне, что близок к успеху как никогда. На этот день был назначен прием наших азианских гостей. Вице-консул Даяндан прошел к советнику Императора по экономике Зиммельну через флигель – его можно увидеть из окон библиотеки, из моего окна, а также из лаборатории Мегаллина – около пяти часов вечера. Консул в последний момент сказался больным и не явился, хотя он должен был участвовать в переговорах.

Валлент и сам не заметил, в какой момент обстоятельный рассказ Деррека стал восприниматься им как очередное служебное задание. Видимо, профессиональные привычки стали частью его личности, и даже длительный перерыв не вытравил их.

– В понедельник около полудня я, как всегда, ознакомился с информацией, накопленной системой охраны здания. И заметил, что Мегаллин уже около двух суток не покидает Орден, все время находясь в своей лаборатории. Это было ненормально, и я отправился к нему в кабинет, чтобы установить причины его задержки. Когда я вошел, то увидел его лежащим рядом со своим рабочим столом, с руками, поднятыми к горлу. Край его плаща был сильно обожжен. Он был мертв. Скорее всего, с позавчерашнего дня, что я определил по запаху разложения.

Мастер замолчал, наблюдая за реакцией Валлента, но тот был невозмутим, войдя в роль следователя.

– Никаких внешних следов насилия я не заметил, также как и двое остальных членов Ордена. Они в этот момент находились в здании, и я вызвал их в лабораторию Мегаллина. Правда, в самой лаборатории царил разгром, будто кто-то в ярости разбрасывал по ней предметы. Наша приходящая служанка Халлика потом полдня собирала их с пола. По некоторым признакам было очевидно, что Мегаллин умер от удушья, и эти руки... К счастью, он не был женат, и мне не пришлось брать на себя обязанность извещать о случившемся его... м-м-м... родственницу.

– Почему вы мне это рассказываете, Мастер? – спросил Валлент.

– По двум причинам. Первая – вы знакомы с основами магии второго уровня и могли бы продолжить эксперименты Мегаллина...

– Я намного уступаю в знаниях вашим сотрудникам, – запротестовал Валлент.

– Имейте терпение, магистр, это не самое главное. Данной темой, если захотите, вы будете заниматься между делом, во время расследования истинных причин смерти Мегаллина. Новому человеку, обладающему свежим взглядом на предмет, нередко удается сделать больше, чем тому, кто бьется над проблемой годами. Знаю по собственному опыту. Кстати, вашу кандидатуру предложил сам Император, после того, как ознакомился со списком отставников.

– То есть вы полагаете, что магистра Мегаллина могли убить? Кому это могло понадобиться?

– Позвольте, я продолжу. В результате длительного обсуждения мы решили, что Мегаллин пал жертвой собственной небрежности, случайно или в ходе опыта произнесся заклинание обратного вихря. Вы, конечно, знаете, что это один из самых сложных элементов истинной магии воздуха, – второго уровня, разумеется. Вокруг объекта создается кокон безвоздушного пространства, в отличие от случая прямого вихря, когда, напротив, воздух вокруг объекта уплотняется. Возможно, заклинание оказалось настолько сильным, что Мегаллин не успел его нейтрализовать и попросту умер от асфиксии. Или этот обратный вихрь почему-либо приобрел особую устойчивость и не распался в первую же минуту после своего образования.

– Очень логичная версия...

– Я тоже так думал вплоть до некоторых пор. Однако неожиданно одному из наших сотрудников, Дециллию, понадобилась весьма древняя книга, которую он в прошлом месяце одолжил Мегаллину. Это очень редкий фолиант, малозаметный труд Мастера, жившего сотни лет назад, по имени Крисс Кармельский. Его портрет восемнадцатый с конца, если вам интересно будет на него взглянуть. Дециллий перерыл весь кабинет погибшего мага...

– А вот это напрасно! – сказал Валлент. – Он мог уничтожить следы, оставленные похитителем. Хотя они и так были уничтожены вашей служанкой...

– Но в тот момент никто даже не предполагал саму возможность кражи. Все здание находится под магической защитой! Так или иначе, книга исчезла. И самое интересное... За последние десять дней магическая активность Азианского Консульства значительно выросла.

– Какое здание они арендуют? – быстро спросил Валлент, просто чтобы быть уверенным, что азианцы почему-либо не сменили свою резиденцию за то время, что он не бывал на Береговой улице.

– То же, что и все последние пять лет. Это старый дом в нескольких десятках шагов от Ордена, сразу за бывшим торговым представительством Азианы. Вы должны были видеть его! В нем всего два этажа и около двадцати комнат, и там живут консул, вице-консул, их секретари, жены и десяток слуг. Все приехали вместе с миссией – местным жителям они не доверяют.

– И как это связано с пропавшей книгой?

– Все дело в том, что в этом труде приводились рецепты для изготовления весьма сильных составов как раз из области магии воздуха. И еще, по-моему, наброски самых простых «зеленых» заклинаний. Мегаллин, кстати, проверял их работоспособность, но, кажется, ничего не достиг. Так что с точки зрения магии третьего уровня этот фолиант скорее всего не представляет интереса. Так вот, Император предположил, и я с ним согласился, что магистр Мегаллин был убит вице-консулом Азианы. Это довольно способный маг, но по причине своей молодости он не участвовал в войне. А потому избежал преждевременной смерти. – Едва заметная тень промелькнула на его бесстрастном лице Деррека.

– То есть вы думаете, что магистр Мегаллин был убит из-за книги древнего Мастера?

– Это не простая книга, уверяю вас, господин Валлент, – с нотками раздражения воскликнул Деррек. – Никто из нас, кроме Мегаллина, не удосужился прочитать ее до конца. Поэтому мы не можем сказать, какое знание откроется нам, стоит лишь осилить ее последний абзац.

– И каким образом убийца узнал о существовании этого труда? Как, наконец, он смог проникнуть в Орден?

– В том-то и дело, что он не входил в лабораторию, поскольку это невозможно. Он действовал издалека, буквально на глазах стражника, сопровождавшего его в аудиенц-зал, – нетерпеливо ответил Мастер. – Окно кабинета Мегаллина находится в прямой видимости из любого окна дворцового флигеля. А как он узнал про книгу – предстоит выяснить вам, господин Валлент.

Он досадливо поморщился и раздраженно взглянул на бывшего следователя, будто раскаиваясь в том, что начал этот разговор.

– Извините, Мастер, но я должен знать, возможно ли вообще убить сильного мага на расстоянии, – твердо заявил магистр, нимало не смущаясь.

– Конечно, – расслабился Деррек, вновь хватая со стола перо и сгибая его длинными пальцами. На некоторых из них были надеты скромные с виду кольца. Но они несли отнюдь не эстетическую нагрузку, а потому и не должны были привлекать внимания. – Это возможно. Ясно, что Мегаллина застали врасплох, когда он был увлечен своим опытом, другого объяснения я не вижу.

– Где, по-вашему, может находиться пропавший труд старого Мастера?

– Скорее всего, у того, кто убил Мегаллина, поскольку в Ордене его нет. Мы проверили все помещения с помощью... Нашим способом, одним словом. Фолиант, кстати, несет на себе значительный магический заряд, и при удаче его можно будет обнаружить вашим амулетом.

– Вы осматривали его дом?

Деррек внимательно взглянул на магистра и пожал плечами.

– Зачем? – проговорил он. – Вряд ли там созданы достаточные условия для проведения опытов. Всем магам всегда хватало их лабораторий... Кроме того, вы же знаете, что для обыска нужно брать предписание в вашем Отделе. В общем, такие действия смахивали бы на расследование. А я не хочу, чтобы о смерти мага в городе поползли какие-нибудь разговоры... Кстати, это не самая плохая мысль – поискать трактат у него в доме, – улыбнулся Деррек.

У Валлента оставалось еще несколько вопросов к Мастеру.

– Это обычная ситуация, когда посетители являются к Зиммельну субботним вечером?

– Летом – да. Основные дела и встречи совершаются у нас в Канцелярии по утрам и вечерам, когда не так жарко. И причем не только в будние дни.

– Почему бы вам не поручить это дело штатному сотруднику Отдела?

– Это понятно, – улыбнулся Деррек. – Таково пожелание Императора, легко объяснимое. Расследование должно проводиться тайно, поскольку никаких доказательств виновно-

сти вице-консула Даяндана у нас нет. Им должен заниматься человек, реально владеющий и следственными методами, и хотя бы основами магии второго уровня, а таких в вашем Отделе уже не осталось. Кроме того, если вице-консул виновен и узнает, что находится под подозрением, он попытается пойти на убийство следователя. А вы сможете защититься, конечно, если не потеряете бдительность. И последнее – мы должны быть заведомо уверены, что результаты ваших исследований не попадут в руки врага.

«Они, конечно, знают, что я потерял на войне сына, – подумал Валлент. – Для них очевидно, что винить в его смерти я должен азианцев».

– В ваших рассуждениях слишком много предположений, – холодно заметил он. – Я не могу обещать вам результат.

– Для нас достаточно уже того, что вы беретесь за это дело, – тоном завершения беседы сказал Деррек. – Чтобы избавить вас от рутинной работы, я решил выделить вам помощника. Его зовут Бессет, именно он принес вам вчера мое письмо. Парень сообразительный и вполне обязателен, так что можете смело поручать ему любые дела, не требующие вашего личного участия. Я так и делал. Кстати, вы сможете найти его в Канцелярии, он будет там до трех часов.

– Спасибо. Какие у меня будут полномочия?

– Почти неограниченные, – серьезно ответил Мастер. – Вы можете расспрашивать всех, кто может быть вам полезен с точки зрения расследования, а также достижения результата в деле с магией жизни. Исключая самого Императора, разумеется. Вы также можете пользоваться любой литературой и всем, что у нас имеется из препаратов. Помните только, что многие из них очень редки и практически невозполнимы. Но мы сейчас в таком положении, когда излишне осторожничать нет смысла.

Он снял с безымянного пальца левой руки золотое кольцо с маленьким александритом. То был утоплен в пасть лягушки, воздевшей приплюснутую головку к небесам.

– Старайтесь без нужды никому его не показывать, – сказал Деррек, передавая кольцо Валленту. – И вообще не раскрывайте цели вашего расследования людям, не знающим о смерти Мегаллина. А о ней не знает никто, кроме Императора, членов Ордена и Бессета. Ну, и привратника Блоттера, конечно.

Мастер легко поднялся и подошел к сплошной на вид стене справа от стола, на которую через щель в шторе падал яркий солнечный свет. Только сейчас Валлент заметил на ней вполне обыкновенную дверную ручку, за которую Деррек и потянул. Но прежде чем покинуть кабинет, Мастер сдернул черное покрывало с чучела карликового крокодила с выпученными стеклянными глазами, лежавшего на полке. Его когда-то веселая зеленая шкурка поблекла от множества лет, проведенных в полумраке. Хозяин кабинета и следователь вышли в коридор.

– Вынужден вас оставить, – сказал Деррек. – Но вы можете начинать. Кстати, я предусмотрел отдельную статью расходов, которых потребует ваше расследование. Сто дукатов в день – компенсация за временную приостановку вашей работы, остальное – при необходимости. Все финансовые вопросы можете обсуждать с Бессетом, он наделен достаточными полномочиями в этой сфере.

Мастер повернулся спиной к Валленту и мягко зашагал прочь.

Глава 3. Первый свидетель

Валлент подошел к окну в торце коридора, просунул кисть руки в щель между шторами и взглянул на часы. Он обещал Тиссе прийти не позднее полудня, и у него оставалось еще около часа, чтобы осмотреть кабинет погибшего мага. Он взялся за это дело – теперь нужно было восстанавливать события, произошедшие в здании Ордена и вокруг него в день смерти Мегаллина.

Дверь в лабораторию была заперта, и на минуту он растерялся, пытаясь сообразить, как быть дальше. Сжав ладонь в кулак, магистр ощутил острый кристаллик александрита: он надел кольцо таким образом, что лягушка пряталась от взглядов. Подняв руку к тому месту в косяке, где предположительно находился язычок замка, он мысленно приказал тому отодвинуться. Силы природы, объединившись, легко исполнили его желание.

Состояние лаборатории, вопреки стараниям Халлики, оказалось далеко не идеальным. Дециллий во время бесплодных поисков фолианта перерыл все тумбочки, вывалив их содержимое на пол. Очевидно, он сделал это уже после пресловутой «уборки». Валлент прошел к занавешенному окну и широко раздвинул плотные шторы. Действительно, двухэтажный пристрой к дворцу находился совсем рядом, так что при желании можно было бы перепрыгнуть с одной крыши на другую. Правда, маловероятно, что при этом осталась бы целой шея прыгуна. В окнах флигеля, хоть их и не задернули вездесущими шторами, ничего разглядеть не удалось – возможно, кроме голых стен, там ничего и не было. За самим дворцом просматривался тонкий шпиль башни, на верхушке которой находились самые точные солнечно-лунные часы в Ханнтендилле. Глядя на них, звонарь каждый час бил в свой колокол. Они показывали точное время даже в пасмурную погоду.

В общем, лаборатория выглядела именно так, как и ожидал следователь. Рабочий стол мага был завален огнеупорной посудой, пакетиками с разноцветными порошками и инструментами. Отдельно стояли особо чувствительные и потому дорогие весы, о которых всегда мечтал Валлент, рядом нашлись коробка с неожиданно упорядоченными грузами и массивная, наполовину пустая горелка. Вдоль стен выстроилось несколько стеллажей и двухъярусных шкафов. С одной из полок на следователя глядел крупный одноглазый филин, озадачивший его своим диковатым видом.

Магистр приступил к более детальному осмотру. Он долго рылся в ящике стола, вороша кипы старой бумаги, и наконец в самом дальнем углу обнаружил небольшую стопку плотных листов, с обеих сторон исписанных угловатым, как будто летящим почерком мага. Мельком взглянув на них и поняв, что это дневник, Валлент решил отложить его изучение, свернул в трубку и сунул во внутренний карман плаща. Тут же, в ящике лежал толстый лабораторный журнал в твердой кожаной обложке, частично заполненный малопонятными описаниями экспериментов – каждую запись Мегаллин датировал, – но таскать его с собой Валленту не захотелось. Там, однако, могли иметься весьма интересные сведения, и не только о магии третьего уровня, так что прочитать его стоило. Если, конечно, он сумеет разобраться в системе обозначений, принятой погибшим магом.

Затем магистр ознакомился с содержимым шкафов, но там давно поселилась пыль. Мегаллин, похоже, умышленно ничего не держал в них, чтобы лишний раз не рыться на полках. В самом темном углу кабинета Валлент наткнулся на диван, небрежно застеленный красным пледом. Также на нем валялась вспученная желтоватая подушка. Рядом с изголовьем, на полке стеллажа, лепился толстый и короткий огарок свечи.

Разбирая завалы каких-то старых свитков, обрывков бумаги и разнообразных вещей, несших на себе следы бессмысленного разрушения, Валлент не заметил, как прошел целый час. Нужно было заглянуть в Канцелярию, где его ожидал Бессет, и отправиться домой.

Покинув здание Ордена, магистр обошел его справа и вскоре оказался непосредственно перед служебным входом во дворец. Миновав его, он вышел к другой поздней пристройке – резиденции Императора, выглядевшей не так скучно, как флигель. В целом повторяя строгую, угловатую архитектуру дворца, имперская Канцелярия отличалась несколько более вольным подходом к оформлению дверных и оконных проемов. Их окружали не всегда уместно выглядевшие колонны, рельефные арки и пилястры. Островерхая крыша весело синела под ярким летним солнцем.

Не успел Валлент приблизиться к стражнику, подпиравшему колонну у входа в Канцелярию, как ее дверь распахнулась, и со ступеней сбежал запыхавшийся юноша. Он горячо приветствовал следователя.

– Ты что же, в окно меня высматривал? – улыбаясь, поинтересовался Валлент.

Бессет смущенно кивнул.

– Мастер Деррик предупредил меня, чтобы я встретил вас, – сказал он. – Я рад помочь вам в вашем расследовании, магистр Валлент.

– Хорошо, тогда получай первое задание. – Он понизил голос и на всякий случай отвернулся от стражника, с вялым любопытством рассматривавшего незнакомца. – Узнай, кто дежурил во флигеле в день убийства. Я хочу поговорить с этими людьми. За пару часов справишься?

– Не сомневайтесь, магистр.

– И еще, заведи себе тетрадь и перо, будешь записывать самое существенное из показаний свидетелей. Ну и сумку какую-нибудь, чтобы держать в ней журнал и улики.

Валлент едва удержался, чтобы не рассмеяться от собственной шутки, но лицо юноши, принявшего его слова всерьез, буквально лучилось гордостью от оказанного ему доверия. Бессет энергично кивнул и сдержанно улыбнулся, но совсем по другому поводу:

– Уж этого-то добра у нас навалом!

Валлент пожалел, что во времена его службы в Отделе у него не было такого помощника. Мозоль на его среднем пальце, образовавшаяся вследствие бесконечных упражнений с пером, осталась с ним и после выхода в отставку.

– Встретимся у флигеля в три часа. Да, и раздобудь в Канцелярии документ посолднее, чтобы махать им перед носом особо недоверчивых типов, – попросил он напоследок и зашагал в направлении Конной площади.

По дорожкам парка, видимым сквозь высокую чугунную ограду, гуляли редкие, в основном престарелые посетители. В просветы между кустами видна была Хеттика. В местном течении река была порядочно загрязнена – выход основного канализационного стока всего дворцового района, в виде исключения проложенного под землей, находился совсем рядом, немного ниже по течению.

По левую руку осталась гладкая серая стена императорского дворца, окна первого этажа которого находились в пятнадцати локтях от мостовой. Начиная со второго этажа – а всего их было четыре – из стен выступали узкие балконы, на которых Валлент никогда никого не видел. Самое значительное здание в столице, воздвигнутое лет семьсот назад и полностью отреставрированное при отце нынешнего Императора, увенчивалось угловыми башенками в форме горгульих голов. С каждой из них можно было обозревать одновременно две стороны света, чем и занимался день и ночь специальный отряд отменно зорких гвардейцев.

Вскоре мелькнула в зарослях задняя часть юго-западной, торцевой трибуны ипподрома, в лучшие дни неизменно собиравшего аншлаги. Но и сейчас его посещали толпы народа, в основном аристократической закваски прощельги, почти не пострадавшие от войны. И все же пагубного воздействия магического тумана, накрывшего в тот год весь мир, не избежал никто.

Повернув за угол, магистр замедлил шаг: зрелище парадного подъезда дворца никогда не надоедало ему. Контрастируя с бедным оформлением самого здания, высокая лестница плавной подковой опоясывала зеркальную, двустворчатую дверь, в которую могла бы войти целая пирамида акробатов, взгромоздившихся друг на друга. Вообще, сам по себе вход даже несколько терялся на фоне величественных стел, вогнутыми дугами прижавшихся к стене здания. Постепенно расширяясь и сливаясь друг с другом, они продолжались и на камне мостовой, но уже в виде цветовой мозаики, отчетливо различимой с любого расстояния. Всю эту конструкцию венчала гигантская коническая корона Императора, выполненная из различных по цвету сплавов и наполовину выступающая из зеркальной стены. Вследствие оптического эффекта казалось, будто она имеет вполне законченную форму. Для людей чувствительных и склонных к романтизму такая композиция несла вполне определенный смысл: власть Императора проникает не только в реальную жизнь, но и «потустороннюю», призрачную, закрытую от взора обыкновенного человека.

Валлент в детстве не раз наблюдал торжественные кортежи мелких колониальных владык. Они наезжали в столицу на государственные праздники, например, день рождения Императора или Осенний Звездопад. Но около тридцати лет назад, когда удалось захватить последний независимый остров, нынешний Император при поддержке Народного совета ликвидировал остатки самостоятельности всех колоний, за исключением самых крупных – Азианы, Горна и Хайкума. Поток чествователей правителя Эвраны иссяк, приемы превратились в сухие, официальные мероприятия, проводимые от силы два раза в год. И так продолжалось вплоть до того, как Азиана объявила о своем отделении от Империи.

На верхней площадке, отражаясь в зеркалах, так же точно стояли два стражника, но зеваки на них не смотрели. Редкие прохожие, пересекавшие квадратную площадь перед парадным входом и Аллею Императора, старались сделать это побыстрее. «Надо бы испробовать себе лошадь», – подумал Валлент, заражаясь их нетерпением.

Миновав казарму, малозаметную за рядом высоких кустов, он вышел на Конную площадь, уже более людную, чем Аллея. Напротив него, имитируя формами дворец Императора, но значительно менее массивное и к тому же серое, находилось здание Суда. Оно было знакомо магистру как снаружи, так изнутри буквально до мелочей. За двадцать четыре года службы в Отделе частных расследований он бывал здесь сотни раз, эти стены видели и дни его триумфа, и дни поражений. Последних, разумеется, было гораздо меньше, иначе бы он не снискал такой славы, что даже сейчас находятся люди, помнящие его зубодробительные речи. В основном, конечно, маги-проходимцы, подпавшие под амнистию незадолго до войны и оставшиеся в живых. Но попадаются и вполне приличные люди: свидетели обвинения, писцы и даже некоторые адвокаты из числа имперских.

Выйдя на центральную площадь Ханнтендилля, на которой он торговал в своем балагане каждое воскресенье, Валлент вернулся мыслями к расследованию. Пока он отвлеченно вспоминал былое, в его голове сами собой сформировались вопросы, поиском ответов на которые следовало заняться в первую очередь. Каким образом была похищена древняя книга и где она находится сейчас? Какими конкретно опытами занимался Мегаллин, если вице-консулу или кому-нибудь другому стоило пойти на такой риск и убить мага? И наконец, действительно ли он был убит, а не пал жертвой собственной неосторожности? Валлент знал десятки способов покончить с собой, пользуясь только заклинаниями второго уровня, не говоря уж о сотнях разновидностей ядов и их смесей, применяемых при отправлении магического действия. Но Деррек однозначно дал понять, что он уверен в мастерстве Мегаллина. Тот был просто слишком профессионален, чтобы допустить настолько серьезный просчет и убить самого себя. Так что Валлент решил для начала принять предложенную ему точку зрения и исходить из того, что Мегаллина убили.

Пока магистр шагал по родной Подковной улице, у него сложился примерный план действий. Правда, все его мысленные построения едва не рухнули в одночасье, когда злобная соседка-домохозяйка выплеснула ему под ноги ведро помоев. Валлент не помнил ее имени и безадресно выругался, женщина хотела ему ответить, но взглянула на лицо магистра и оторопела. Его здесь знали все, хотя в таком наряде, пожалуй, не видели уже очень давно.

– Позвольте, магистр Валлент, – залепетала она и поспешно протерла ему тряпкой сапоги. – Вы уж простите меня, слепую дурочку.

Магистр тотчас выбросил из головы этот рядовой инцидент и вскоре уже открывал дверь собственного дома. Он мог бы войти и через калитку в заборе, ограждавшем его двор, но предпочитал оказываться сразу в помещении, а не петлять между хозяйственных построек, пугая индеек и кур.

– Нам придется на время закрыть магазин, – сообщил он дочери после трапезы, потягивая из кружки чай. – Если, конечно, ты не возьмешься торговать хотя бы «антиноухом». Тогда я смешаю сегодня полведра.

Ему не хотелось потерять постоянных клиентов. Если совсем закрыться, они непременно переметнутся к ухватистому шарлатану Блоббу, обосновавшемуся на пересечении Подковной и Кривой улиц. К тому же средство для уничтожения запахов, будучи одним из самых простых в изготовлении, приносило также и наибольшую прибыль.

– Если ты считаешь, что так нужно, я посижу за прилавком, – без выражения ответила Тисса. – Но весь день напролет я не смогу проводить в доме, нужно еще и по хозяйству успеть.

– Ну вот и славно. Покупатели никогда не являются до десяти часов, а после двух пополудни уже можно закрывать. На дверь вывешивай нашу обычную картонку. Где написано, что я отправился в болота за товаром.

– А чем ты будешь заниматься на самом деле?

– Орден магов попросил меня изучить одну редкую книгу... Они обещали мне кучу денег, если я создам нужное им вещество. У них сейчас проблемы с людьми.

Тисса хмыкнула, но ничего не сказала. Ее замкнутый характер уже давно и всерьез тревожил Валлента. Хоть он и не потерял надежды выдать ее замуж, с каждым сезоном сделать это будет все труднее, учитывая патологическое нежелание Тиссы общаться с людьми ее возраста. Раньше, когда ей было лет пятнадцать и были еще живы ее мать и брат, он и представить себе не мог, что его дочь станет такой нелюдимой. Магистр даже обрадовался тому, что ей волей-неволей придется общаться с клиентами. Оставалось только надеяться, что она их не распугает.

Валлент прошел в свой рабочий кабинет и вынул из кармана плаща пачку листов, позаимствованную им из лаборатории Мегаллина. Первая запись датировалась четырнадцатым числом января текущего, восемьсот девятнадцатого года и состояла всего из одной фразы: «Что есть жизнь – есть ли она средоточие четырех стихий или слагается из меньшего числа всеобщих компонентов, или же совершенно не зависит от них?» Но читать документ не было времени. Магистру пришлось напомнить себе, что его расследование носит неофициальный характер, значит, со свидетелями придется вести вежливые беседы. Он спрятал записки мага в кипе своих бумаг и тщательно запер шкаф.

Когда Валлент подошел к зданию Ордена, его часы показывали три. Свернув в узкий проход между ателье модной одежды «Золотой бурнус» и Орденом, он оказался перед высоким дощатым заграждением, окружавшим имперскую конюшню. «Нужен конь», – опять подумал он, с завистью наблюдая за тем, как жокей резво скачет по кругу, взметая лошадиными копытами тучи пыли. Заметив магистра, тот поднял свое животное на дыбы и повернулся таким манером вокруг собственной оси.

– Эй, парень! – крикнул ему Валлент.

Наездник приблизился к нему.

– Что вам угодно? – спросил он настороженно. Это был уже довольно немолодой человек, крайне щуплый и неказистый, когда он стоял на земле.

– Всего лишь крепкую лошадь, – ответил Валлент.

– Если вы хотите узнать, кто участвует в ближайших скачках, то мне запрещено разглашать эти сведения.

Валлент поморщился:

– Я имел в виду только то, что сказал.

– Обращайтесь к старшему конюшему, – буркнул жокей. Ничего не добившись от коротышки, магистр обогнул забор справа и очутился в узком проходе между флигелем императорского дворца и Орденом. Здесь было пустынно и неуютно. Высоко расположенные окна первых этажей как слева, так и справа от следователя не позволили ему заглянуть в них.

У входа в пристройку его ожидал Бессет, разжившийся объемистым кожаным портфелем. Рядом с ним стоял угловатый человек лет тридцати, на длинном бритом лице которого застыло нерешительно-испуганное выражение. Он с тревогой обернулся к магистру и попытался расправить складки на своем форменном сером камзоле. Валлент кивнул юноше, и все трое вошли во флигель. Пока Бессет предъявлял свою бумагу офицеру, Валлент изучал обстановку.

– Вы уверены, магистр Валлент, что вам не понадобится моя помощь? – спросил его офицер, без особого почтения разглядывая предъявленный ему документ. На его боку, в ножнах болтался короткий широкий меч.

– Дело пустячное, не отвлекайтесь на нас, – благожелательно промолвил Валлент. – Мы быстро управимся.

Наконец им удалось отделаться от капитана, и все трое отошли на приличное расстояние от входа, чтобы их разговор никто не услышал. Но офицер решил остаться в коридоре и стал прогуливаться между двух стен, издали наблюдая за гостями. Скорее всего, ему было скучно в своей комнатухе, а снять двух своих солдат с вахты и устроить партию в кости он не решился.

– Как вас зовут? – спросил магистр, обращаясь к солдату.

– Геммин, господин.

– Вы находились на посту второго июля?

– Точно не помню, господин Валлент. Да вот господин Бессет говорит, что так оно и было.

Валлент вопросительно взглянул на помощника, и тот уверенно кивнул.

– Расскажите мне о вице-консуле Азианы, которого вы сопровождали от входа до этой вот двери. Насколько я понимаю, она ведет во внутренний коридор дворца.

– Так вроде бы нечего тут рассказывать. – Стражник вполне успокоился, когда уяснил себе, что беседа не касается его лично, и его речь перестала прерываться от волнения. – Мы с Муррканом стояли на своих местах, и тут пришли три человека, сразу видно, что не наши, азианцы. У двоих под плащами было оружие, эти их кривые сабли. Но мы-то заговоренные тут все, нас этим не взять, и капитан даже не посмотрел на них. А третий был самый важный, у него еще такой тонкий портфельчик с собой был, черный. Капитан в него заглянул и говорит мне: проводи, мол, вице-консула Даяндана ко второму посту...

Возможно, второй этаж пристройки был более интересным, но первый представлял собой отлично просматривавшийся коридор длиной около сорока шагов. В нем начисто отсутствовала мебель. В конце его находилась такая же точно цельная деревянная дверь, как и входная, и еще немного дальше – узкая служебная лестница на второй этаж.

– Окна здесь открываются? – неожиданно спросил Валлент.

– А как же. В тот день, помню, некоторые были открыты. Немного, только чтобы продувало, здесь и возле нашего поста, где мы стоим.

– Продолжайте.

– Так ничего особенного и не было. Мы уже подходили сюда, как у него портфель из руки выпал. Ну, он наклонился за ним и вдруг за спину схватился, а на лице такое выражение, будто у него прострел случился. Я еще подумал, молодой вроде, а уже с поясницей мучается. Он к подоконнику животом прислонился и мне говорит: надавите, мол, мне на... крестец, кажется.

– К этому подоконнику?

– Да вроде бы к этому, точно не скажу. Помню еще, что он вздохнул глубоко, когда я ему нажал на спину. Видать, больно было. А потом ему сразу полегчало, и мы дальше пошли. Я передал его второму посту и назад вернулся.

– Это все? Больше вы ничего не помните, Геммин?

– Вроде бы все.

Валлент выглянул в указанное солдатом двустворчатое окно и внимательно осмотрел местность. Как он и предполагал, почти прямо напротив него находился край здания Ордена, и отсюда было прекрасно видно окно лаборатории Мегаллина. Вполне возможно, что второго июля оно тоже было открыто, следовательно, никаких препятствий для применения магии воздуха не существовало.

– Ну что же... – проговорил Валлент, когда они распрощались с гвардейцем и его капитаном и неспешно направлялись к Аллее. – На сегодня достаточно.

– Вы уверены? – разочарованно протянул ретивый помощник.

– Мне нужно осмыслить стоящую перед нами задачу, – сообщил ему магистр. – Приходи завтра в «Бытовую магию», часам к десяти утра, тогда и займемся делом.

Глава 4. Дневник Мегаллина

«819. 15 января. Разбирал нынче свой старый архив (письма, «воспоминания», старые поручительства, бумажки с адресами и тому подобное), сваленный в сундуке под кроватью. И наткнулся не пару листков исписанной бумаги, которые все-таки возникли «из-под пера» осенью прошлого года. А ведь грозился совсем бросить дневник! Попалась мне на глаза очередная (какая уже?) собственная сентенция о бесполезности дневников вообще. Прочитал я ее и подумал: «Рано ставить на себе крест, братец Мегги, вдруг тебе повезет и все у тебя получится?» Так что, принимая во внимание пресловутых потомков, постараюсь иногда описывать «этапы славного пути» (и по возможности без всяких бытовых подробностей). Да, и портрет не мешало бы заказать – маслом, не акварель какую-нибудь! Впрочем, неумеренный оптимизм не способствует делу. Жаль, что я не возобновил свой дневник еще в ноябре, когда получил доказательство существования ауры. Вот, пожалуй, истинное начало новой истории (успеха или провала)».

«Что еще за аура?» – удивился Валлент. Он сидел за своим рабочим столом, освещаемым свежей свечой, а перед ним лежала тонкая стопка заполненных почерком погибшего мага листов. Лишь одна капелька воска успела сбегать по шершавому боку воскового столбика. Вечернюю тишину нарушали только отдаленные голоса ссорящихся соседей. Возле курятника угадывался темный силуэт лошади, полученной Валлентом благодаря все той же бумаге из Канцелярии. Ее звали Скути, и она уже лет десять не участвовала в заездах.

«18 января. Все авторы книг, посвященных проблеме создания жизни, всегда имели в виду нечто вполне сформировавшееся, будь то цветок, муха, воробей, жаба и тому подобное. То есть пытались получить особь, завершившую свое развитие и функционирующую отдельно от породившего ее организма.

19 января. Качество и количество конечного продукта, получаемого магическим путем из некоторых составляющих, прямо зависит от сложности рецепта. Отсюда такой же простой вывод: чем примитивнее живой организм, тем легче его синтезировать. Логично предположить, что с этой точки зрения следует предпочесть растение, нежели животное, поскольку увеличительное стекло показывает невероятную сложность строения даже дождевого червя, в то время как пшеничное зернышко кажется устроенным элементарно. Но все относительно: если я попробую слепить из муки веретенца и аккуратно обклею их шелухой – я получу неотличимые от реальных зерен штучки, но никогда не добьюсь всходов, если мне не удастся вдохнуть в них жизнь. И даже тогда я не уверен, что зерна тут же не погибнут, ведь неизвестно, восстановлю ли я магией изначальные связи между частицами муки, делавшие зерно целым и жизнеспособным.

21 января. Жизнь такое сложное явление, что вполне может состоять из всех четырех стихий, в какой-то неизвестной комбинации и порождающих ее. Возможно ли выделить главный компонент или все они примерно равнозначны? Приходила М., я довольно долго показывал и объяснял ей свой последний опыт. В нем мучной шарик на какое-то малое мгновение приобретает «твердый» глянцевиый оттенок, сразу рассыпаясь в прах. Она

без особого интереса следила за моими манипуляциями, а после сказала, что было бы гораздо полезнее, если бы я работал с сознательным материалом. «Это с кем же, с тараканами, что ли?» – вспыхнул я. «Почему с тараканами?» – удивилась она. «Они весьма умело разбегаются по темным углам, если зажечь свечу. Это верный признак их сознательности». – «А хоть бы и с ними! – крикнула она. – Муки у нас и так хватает! Зачем лепить какие-то искусственные зерна, если они только на то и годятся, чтобы их снова размололи?» Пока я думал над ответом, она ушла, хлопнув дверью. Работать совершенно расхотелось.

22 января. Когда я вчера уходил из лаборатории, мне навстречу попался Шуггер. Он отличается феноменальным слухом (специально его развивает, палач!) и наверняка подслушал мой разговор с М., ведь его кабинет находится прямо под моим. Он странно усмехнулся, когда я проходил мимо него по лестнице. Но главное то, что вчерашние слова М. не идут у меня из головы. Я ее отлично понимаю, все-таки ей уже тридцать два года, она на год младше меня, и ее единственный ребенок (я всего-то два раза и видел его – в коляске и в гробу) умер за несколько лет до войны. Придя в лабораторию, я еще раз перечитал самое интересное место из Берттола. В нем он пишет о столкновении в колбе четырех стихий (как-то смутно описанный и, похоже, чисто умозрительный опыт) и что из этого якобы получилось. Но никаких намеков на решение проблемы сцепки мертвых тканей в устойчивое целое я не нашел. Плохо, когда нет мыслей».

Пораженный Валлент поднял глаза от рукописи и покачал головой, невидяще глядя на огонек свечи. Этот человек создал нечто большее, нежели фикцию, видимость, и жалуется на отсутствие идей! Ни один из опытов магистра никогда не приводил к результату, хоть в чем-нибудь подобном тому, что описывал Мегаллин. Конечно, если маг сам себя не обманывал, видя целое зерно там, где его не было. Однако кто такая эта «М.», выбившая его из рабочего ритма?

«25 января. Деррек спросил меня, чем я занимаюсь, и я рассказал ему о своих опытах с самодельными зёрнами. Он считает, что я на верном пути, нужно только полистать трактаты древних магов. Как будто с тех пор магическая мысль не проделала гигантский путь, а топталась на месте! Он сейчас редко появляется в Ордене, а последний свой опыт поставил, кажется, года три назад. Жаль, что свои способности ему приходится растрчивать на протокольные мероприятия и советы выжившему из ума Императору. Я бы никогда не смог заниматься одновременно и Орденом, и Канцелярией, настолько мало между ними общего. М. вообще считает, что если бы Деррек сосредоточился на чем-то одном, жизнь у него сложилась бы счастливее. Хотя о каком счастье может идти речь, когда через несколько десятилетий в стране останутся одни глубокие старики? Я хотя бы пытаюсь понять, как овладеть магией третьего уровня, а другие просто живут по инерции, не думая о завтрашнем дне. Иногда мне кажется, что до решающего шага осталось совсем чуть-чуть, а потом я вспоминаю о непомерной сложности человеческого организма, и руки опускаются. Убить человека можно сотнями способов, и один из них применили воюющие стороны, а пробовал ли кто-нибудь создать его? Я не имею в виду банальный акт деторождения, когда в нем участвуют мужчина и женщина. Впрочем, тут я увлекаюсь: конечно, за тысячи лет многие старались создать жизнь. Но

никому не удалось это сделать одной только силой своей мысли (самые экзотические ингредиенты тоже не помогли). Удастся ли мне?

31 января. Я пришел к выводу, что вклад различных видов магии в жизнь зерна неравнозначен. Конечно, настоящие зерна, вызревающие на колосьях, получают вещества для своего роста из земли и воздуха, а тепло от огня, то есть солнца. Им нужна также вода, содержащаяся в почве. Бесспорно, что лишить колос одной из четырех составляющих мира – значит убить его. Вопрос, следовательно, в том, без чего он погибнет быстрее, а значит, в чем нуждается особенно остро. Пока мне ясно только, что вода служит лишь для доставки питательных веществ из земли в стебель и сама по себе для колоса, скорее всего, не нужна.

8 февраля. Догадка о незначительной роли воды в жизнедеятельности растений оказалась ошибочной. Дело в том, что удручающее количество самых разнообразных веществ, потребных растениям, не могут проникнуть в живую ткань, если их предварительно не растворить в воде. Я провел несколько дней, пытаясь заставить их жить без воды, на одних только воздухе и земле. Я тщательно размолот ее и втирал в стебель, а затем заклинанием проникновения продавливал через кожицу. Все цветы стали быстро вянуть и почти погибли. Но вчера, когда я тупо смотрел на засыхающие растения, пришла М. и полила их. Она не поленилась сходить в противоположный конец коридора, где стоит ручной насос. «Похоже, ты мечтаешь вовсе не о создании жизни, – сказала она мне, – раз твои опыты сушат несчастные цветы. Никак не ожидала, что ты забудешь про свои дурацкие зерна и утащишь горшки у Деррека, иначе пришла бы намного раньше». Я ответил банальностью, что нельзя приготовить яичницу, не разбив яйцо, она опять рассердилась и ушла. Я тоже разозлился и отнес все цветы обратно, пусть себе растут. Пришел к выводу, что основную часть живой ткани растений составляет именно вода, и тут она вступает в противоречие с магиями воздуха и огня, которые стремятся испарить ее. Земля тут как бы и ни при чем, но я почти уверен, что и она участвует в противостоянии разных типов магии. Неясно только, каким образом. Нужно заглянуть в трактат Лаггеуса, у него что-то было по этому поводу.

10 февраля. Вчера я взялся оживить зерно по-другому, предварительно поместив свою заготовку в увлажненную землю. Реальному зерну в такой ситуации не требуется свет солнца, только тепло. Воздух к нему проникает сквозь поры в почве. Таким образом, я моделирую условия, необходимые для его произрастания. Иными словами, если жизнь зародится, для ее развития будут иметься все четыре составляющие мира. Я до максимума увеличил чувствительность своего амулета, чтобы засечь зеленую энергию, если она возникнет после магических манипуляций. Пока я смотрел на свое творение и думал, каким образом мне усилить начальный импульс, заглянула М. и спросила меня, не собираюсь ли я ночевать в лаборатории. Оказывается, солнце уже почти село, и я отложил опыт на следующий день, тем более, что мне, кажется, не хватает одного компонента – костного порошка кожана. Я проводил ее до конюшни, где она оставляет свою коляску с личным кучером. М. стала говорить, что все мои эксперименты с зернами не приблизят меня к решению проблемы. «Это почему же?» – спросил я, возмущенный тем, что она суется в чуждую ей область знания. «Да просто потому, что растения не обладают волей», – сказала она. «У растений, которые тянутся к

солнцу и впитывают соки земли, тоже есть зачатки воли», – сгоряча заявил я. Основные принципы жизнедеятельности едины как для растений, так и для животных. Везде происходит обыкновенная, пусть и очень сложная переработка одних веществ в другие. И моя задача – научиться запускать этот процесс, а что и как преобразуется, меня не интересует, это личное дело природоведов. Если мне удастся это сделать с одним маленьким зерном, то останется только повторить в более крупном масштабе – например, с лягушкой. При чем здесь воля или сознание? Так вот, сразу с утра я отправился на чердак в поисках подходящей летучей мыши, но, как назло, их там не оказалось. Видимо, Шуггер выловил последних, этот убийца вечно ставит кровавые опыты на безответных зверушках. Пришлось идти в разгромленное здание бывшей торговой миссии Азианы, вытащив из полудремы Блоттера. В общем, пока мы лазили по комнатам и гонялись за мышами, я так устал и перепачкался, что никаких опытов сегодня ставить уже был не в состоянии. С трудом заставил себя препарировать кожана и уговорить старика заняться его ребрами. Сказал, что если он не размелет их к завтрашнему утру, то подкину ему в террариум ядовитую змею».

Валлент сделал еще одну мысленную заметку: расспросить Блоттера о привычках погибшего мага. Старый привратник служил в Ордене с незапамятных времен, там же и ночевал, якобы с целью охраны здания. Разумеется, на самом деле Орден не нуждался в охране людьми, система безопасности и без них функционировала. Каждый знал, что этот странный дом наводнен ловушками и призраками, а украсть там практически нечего. Кроме того, похищенный предмет будет быстро обнаружен магическими компасами, так что продать его все равно не удастся.

«11 февраля. Да, искусственное зерно прожило довольно долго, почти полминуты. И все же мне кажется, что таким путем я не смогу прикрепить к нему ауру так, что она от него не отделится. Кажется, мне нужна поддержка старых магов. Деррек когда-то говорил мне о Криссе Кармельском и его незаслуженно забытом трактате о магии воздуха. Я чувствую, что без свежей идеи дело у меня не сдвинется.

21 февраля. В тот же день я перерыл каталог и обнаружил, что фолиант Кармельского у Дециллия, и оказалось, что книга ему не очень нужна. «Старик выжил из ума, когда писал свой труд», – сказал он мне. Я спросил его, почему он так считает, и Дециллий пустился в рассуждения о наивности представлений старых магов об огне. «Крисс пишет, например, что огонь – самая неустойчивая форма сущего, но это утверждение неверно. Я лично доказал, что в любом предмете, более теплом, чем кусок льда, обязательно присутствует элемент магии огня». Он уже приготовился оседлать своего конька и прочитать лекцию о своих достижениях в этой области, но я сослался на занятость и ушел. Кажется, Дециллий слегка обиделся. Он, в общем, добродушный малый, хоть и растяпа. Странно, что он так быстро отыскал книгу на своем захламленном столе.

25 февраля. Вот уже пятый день я читаю этот древний трактат, но большая часть текста посвящена магии воздуха, а о магии третьего уровня вообще не упоминается. Но читать интересно, поэтому я не прерываюсь и даже иногда выполняю упражнения, приведенные Мастером в конце каждой главы. Особенно мне понравилось измененное заклинание прямого вихря. То есть оно практически такое же, как классическое, изученное мной еще во

времена стажерства, но отличается тем, что в центре вихря создается очень большая плотность воздуха. Я отошел в угол кабинета и мысленно прочитал его – модификация довольно неудобоваримая и мне лень ее запоминать, – и тотчас завертелся и взлетел чуть ли не до потолка. Этот вихрь еще несколько минут метался по лаборатории, не желая слушаться заклинания нейтрализации. Он чуть не свалил стеллаж, пока я собирал свои кости после падения, а потом я распахнул окно и выдул его в небеса. Надеюсь, он не причинил вреда какой-нибудь птице. Кстати, я не послушался совета Крисса и не усилил заклинание. Видимо, мне даже следовало его ослабить.

26 февраля. Не заметил, как добрался до приложений. Тут, пожалуй, гораздо больше спорных мыслей, чем во всем предыдущем тексте, и даже есть несколько страниц о магии третьего уровня. Например, он пишет: «Пытаться создать жизнь на пустом месте, при помощи одних только слов – занятие настолько же бесполезное, насколько лишнее смысла». Это смахивает на тавтологию, но определенный резон в словах старика все же есть. «Чтобы овладеть магией третьего уровня, магу мало овладеть стихией воздуха – ему необходимо изменить самого себя». Пока я читал простые на первый взгляд и в то же время какие-то дикие рассуждения Крисса, в моей голове будто что-то щелкнуло. Я увидел один путь, который может, при некоторой удаче, привести к положительному результату. Я разволновался настолько, что долго не мог собраться с мыслями, но наконец сформулировал для себя новое направление экспериментов: с завтрашнего дня я попробую работать не только с самодельным зерном, но и с настоящим! А «изменить себя» я не могу: что за нелепость? Пока я с возбужденным видом расхаживал по кабинету, превращенному вихрем в свалку, явилась М. и расхохоталась. «Что тут смешного?» – вскричал я, стараясь удержать в себе рабочее настроение. «Зачем ты учинил здесь погром?» – спросила она. После этого она за четверть часа привела лабораторию в прежнее состояние, а я вдумчиво переставлял на полках ингредиенты. Она, кажется, поняла, что я переполнен какой-то новой идеей, но приставать с расспросами не стала.

27 февраля. Не могу поверить, что у меня получилось! Мой «Зефир» засветился устойчивым зеленым светом и горел почти минуту! Но по порядку: я закопал искусственное зернышко в широкий стакан с плодородной землей – честно говоря, я позаимствовал ее из горшков в кабинете Деррека, – перемешанной с костным порошком. Рядом я посадил три настоящих зерна, но так, чтобы они не забили своим светом мою подделку и я мог точно определить, изменилась ли интенсивность амулета при пробуждении моего зерна или нет. Сажать полноценные зерна не имело никакого смысла, и так было ясно, что они приживутся, поэтому двум из них я причинил разные повреждения вплоть до почти полной раздробленности, близкой по структуре к моим мучным слепкам. Что любопытно, одно из них, самое пострадавшее, балансировало на грани жизни и смерти, его зеленая аура мерцала...»

Валлент едва не пропустил это место, затем еще раз перечитал последнее предложение и в недоумении потер лоб. Как он смог увидеть жизненную ауру, если такая способность если и открывается, то наверняка лишь на третьем магическом уровне? Мегаллин или о чем-то умалчивал, или пояснения могли быть даны им в более ранних записях, которыми магистр пока не располагал. Все это звучало по меньшей мере поразительно – погибший маг, похоже, действительно далеко ушел по своему неторному пути к магии жизни.

«...Я рассадил их на равном расстоянии друг от друга, на одной линии, и поставил стакан на подоконник. Затем собрался с духом и произнес один из вариантов своей формулы оживления, в предыдущих опытах приводивший к наилучшим результатам. И в последний момент я добавил к заклинанию фрагмент магии воздуха, тот, что вызывает сильный горизонтальный ветер в ограниченном объеме. То, что у меня в итоге получилось, не описано ни в одной, даже самой безумной книге! Правда, я пока не могу понять, что все это значит. Я высадил в линию четыре объекта: здоровое зерно, поврежденное частично, почти раздавленное и искусственное. В момент завершения магической формулы зеленый сектор на амулете стал быстро сдвигаться вправо, от здорового зерна к моей подделке! А затем мое искусственное зерно умерло. Примерно через десять минут картина практически стабилизировалась, и я установил следующее: мое и первое, бывшее полностью здоровым зерно мертвы, второе восстановило свою ауру, а третье стало примерно таким же, как второе до опыта, и постепенно поправляется. Я настолько возбужден, что даже не могу думать, так что пока никаких объяснений у меня нет. Ясно только, что магия воздуха принудила зеленую ауру перетечь с левого, здорового зерна на три остальных. Но почему слепленное мной не удержало ее?

3 марта. Я еще несколько раз ставил тот же самый опыт, совмещая в одном стакане настоящие и искусственные зерна. И сейчас наконец могу с уверенностью утверждать, что суммарная интенсивность зеленой ауры не меняется. Иными словами, никакие мои ухищрения не приводят к тому, чтобы одновременно сохранили жизнеспособность оба зерна – и мучное, и живое. Если я не смогу создать для них дополнительную жизненную энергию, – или откуда-нибудь перекачать ее, – одно из них обязательно погибнет.

15 марта. Крисс оказался прав – оживляя одно зерно, я убиваю другое. Полное впечатление, что они незаметно меняются местами. Я даже специально нарисовал чернилами на своем искусственном зерне крестик, чтобы точно знать, действительно ли ожило именно оно. Ключевую роль в перебрасывании жизненной силы играет магия воздуха, это я доказал. Вчера приходила М., и я специально для нее провел эксперимент и, кажется, мне удалось ее заинтересовать. «А что, без здорового зерна совсем ничего не получится?» – конечно, спросила она. Мне пришлось сослаться на мнение Крисса и все свои предыдущие опыты, и тогда она сказала буквально следующее: «А чем аура животных отличается от ауры растений?» Этот вопрос поставил меня в тупик, и я решил посмотреть в литературе, что по этому поводу думают классики магии. Но я сомневаюсь, что найду там сколько-нибудь разумные слова о природе ауры – до сих пор это понятие было почти мифическим, оставаясь одним из пустых теоретических терминов, и только я смог придать ему конкретное содержание! Все-таки удивительные вещи случаются на тернистом пути познания истины. Казалось бы, далекая от магии женщина, пусть даже сталкивающаяся с ее адептами почти ежедневно (все так привыкли к ее красоте, что без нее Орден, по-моему, «опустеет»), и никто не задается вопросом – чем она тут, собственно, занимается), а выдала такую мысль, которая может полностью перевернуть все наши представления о магии третьего уровня. Надо только ответить на ее вопрос, и если в самом деле животные, и я в том числе, для

амулета суть равноправные носители зеленой ауры, то моя работа только начинается.

17 марта. Сегодня проводил первое «официальное» испытание своего нового вещества. В последний момент решил послушаться Дессона и добавил в состав собственной крови (предварительно я высушил и размолотил ее). Ограничился 1-м золотником на лот, как Дессон и советовал. Честно говоря, если от кого и можно было ожидать подобной рекомендации, так это от Шуггера (тот, разумеется, предложил бы крысиную или еще чью-нибудь). Долго выбирал место для смазки и наконец остановил выбор на своем старинном шраме времен народных волнений 812-го года. Хуже ему (шраму) не станет, зато результат будет, что называется, «налицо».

18 марта. Кажется, единственное, что отличает ауру животного от растительной – это ее интенсивность, никаких качественных различий мне пока усмотреть не удалось. Более того, я уверен, что доказал их идентичность, закопав рядом со своим самодельным зерном червя и проведя сеанс передачи. Теперь я при желании смогу, наверное, составить сравнительную таблицу жизнестойкости доступных мне живых существ, если бы это имело хоть какой-нибудь смысл. Для меня довольно того, что сила ауры возрастает с усложнением организации животного – от червей к змеям и лягушкам, летучим мышам, птицам, крысам и так далее. Очевидно, что в самой вершине этой пирамиды стою я, человек: мощь моя поистине необозрима. Кстати, тот червь, как ни странно, выжил и постепенно восстановил свое здоровье – здесь я зацепил еще одну проблему, а именно, при какой потере ауры организм еще в состоянии восполнить ее недостаток, а при какой его смерть неизбежна? И где в таком случае черпает силы больное животное? Я уже подумываю над структурой и содержанием своего собственного трактата по магии третьего уровня, но всякий раз заставляю себя заниматься более важными вещами. Кто его будет читать? Хотя лет десять назад он перевернул бы магический мир, и меня наверняка возвели бы в ранг Великих магов. Даже Крисс Кармельский не был Великим!

23 марта. Шрам на плече и не думает рассасываться, только покраснел и зудит. Видимо, я все же не угадал с составом, а Дессон не всемогущ.

24 марта. Сегодня впервые в этом году, днем случилась оттепель, и капли стучали по моему подоконнику. Я полностью готов к тому, чтобы начать опыты только на животных, для начала самых простых, например, лягушках. Что-то мне подсказывает, что я не смогу создать сразу законченный образец; в лучшем случае зародыш. Один вопрос теперь по-настоящему мучает меня – как поместить его в благоприятную среду, где он мог бы развиваться? Имплантация слишком сложна, и проводить ее всякий раз, тем самым нарушая будущую среду обитания зародыша, глупо. Кажется, пора вернуться к авторам пыльных фолиантов: в этом разрезе я еще их не читал. И еще: мне, видимо, на время нужно перестать вести дневник; или, может быть, стоит хранить его дома. По-моему, в мое отсутствие кто-то рылся в моем ящике, и дневник лежал не совсем в том же месте, где я его оставил. К сожалению, дома у меня не бывает никакого желания пачкать пером бумагу, да и здесь я не слишком регулярно веду свои записи. Стоит ли это делать – другой вопрос. На лабораторный журнал меня, конечно, хватает – сказываются уроки учителя, да только фокус в том, что понять его в состоянии только я. Вид Надины вызывает приступ непреодолимой

слабости, но она редко избавляет меня от своих домогательств, хотя я уже не раз высказывал ей свое возмущение. Мне все труднее сдерживаться, чтобы не стукнуть ее по толстой морде. А она только смеется и стаскивает с меня штаны. Меня просто бесят ее вульгарные ухватки. Но готовит она вкусно, ничего не скажешь, да и стирает чисто. Честно говоря, без нее мне пришлось бы худо, даже М. это понимает. Решено: больше ни строчки. Если мне нужно будет записать какое-нибудь особенно мудреное заклинание, достаточно лабораторного журнала, и совсем необязательно при этом излагать, зачем оно мне понадобилось».

Свеча окончательно оплыла, и ее фитиль с ноготь размером уже почти плавал в лужице воска. Валлент достал из ящика стола новую и зажег ее от расплавленной, затем попросту водрузил свечу прямо на вязкую массу. Дневник 819 года, – или его первая часть – закончился, и после прочтения магистр должен был признать, что труд Крисса Кармельского, несомненно, играет в этой туманной истории не последнюю роль. У него появились имена еще нескольких людей, и встречи с ними можно было провести до выяснения судьбы трактата древнего мага. О том, кто такая М., можно будет поинтересоваться у любого члена Ордена, наверняка им известна эта женщина.

Глава 5. Таксидермия

Бессет появился у магистра за несколько минут до того, как звонарь огласил окрестности десятью звучными ударами в колокол. Юноша сменил свою форменную одежду на наряд более свободного покроя, добавив к холщовым штанам и рубашке длинный водонепроницаемый плащ веселого сине-зеленого оттенка. Он спешил и вошел в магазин, где в это время дня, конечно, никого не было. На звук дверного колокольчика из жилой половины дома возникла Тисса и без всякого воодушевления уставилась на помощника Валлента.

– Что вам угодно? – спросила она. – Сейчас мы торгуем только «Антинухом».

Тут из своей спальни, где он одевался к выезду, вышел магистр и кивнул пребывавшему в смущении гостю.

– Это Бессет, сотрудник имперской Канцелярии, – сказал он дочери, а затем представил ее гостю.

Вскоре он уже вывел Скути на улицу, где его ждал помощник, и взобрался в седло.

– Сегодня для тебя есть отдельное и важное задание, – сказал Валлент. – Отправляйся домой к Мегаллину и поговори с некоей Наддиной. Я думаю, что она служила у него, и живет она сейчас там же, где ее бывший хозяин. О смерти Мегаллина, полагаю, ей знать не обязательно. Надеюсь, адреса магов имеются в Канцелярии?

– Конечно, магистр. Что я должен узнать? – Бессет явно волновался.

– Просто расспроси ее о характере и привычках мага. Веди себя как можно естественней, и где-нибудь в конце беседы ненавязчиво спроси, не сохранилось ли у нее каких-нибудь необычных вещей, принадлежащих ее хозяину, и не вел ли он записей, когда возвращался из Ордена. Возможно, он делал заметки в лаборатории и приносил их домой, чтобы они никому не попали в руки. Скажешь, что все это нужно для музея.

– Какого еще музея?

– Разве в Ордене не хранятся некоторые из личных вещей самых знаменитых магов?

– Никогда об этом не слышал... Разве что принадлежавшие Мастерам. Хотя... да, действительно, в Ордене есть что-то вроде музейной комнаты. Я ни разу там не был.

– Какая в конце концов разница? Раз тебе не нравится идея с музеем, придумай что-нибудь еще, настолько же убедительное. Например, Мегаллин пропал, не выполнив договорные обязательства, и требуется его отыскать. Но если она откажется отдать тебе что бы то ни было, не скандаль и уезжай. Помни только, что мне важно знать, вел ли он дневник в последние три месяца жизни или нет. Я буду в Ордене, так что подходи к двум часам в лабораторию Мегаллина.

Бессет поклонился, прищипорил свою лошадь и затрусил по Подковной улице в сторону имперской Канцелярии.

А Валлент свернул на чрезвычайно узкую и грязную улочку, не имевшую названия. В прежние годы она служила ему дорогой на работу, в Отдел частных расследований. Но на этот раз он не опасался за чистоту своих сапог, предоставив Скути право самостоятельно выбирать относительно чистую тропу среди мусорных куч. Как назло, начал моросить теплый дождик, и от забитой канализации повеяло таким смрадом, что Валлент пожалел о своем решении срезать дорогу.

Подъезжая к Отделу, магистр издалека увидел нескольких связанных между собой людей в крайне непритязательной одежде, занимавшихся расчисткой мостовой. Впрочем, у них было не слишком много работы – босс Отдела, неувядаемый Груммельн, частенько выгонял задержанных мошенников на улицу, где они метлами и лопатами сгребали мусор и сгружали его на телегу. Подавляющее большинство из них было самоучками, раздобывшими магические формулы и заклятия первого уровня и наиболее ходовые компоненты

смесей, чтобы опутывать свои жертвы паутиной иллюзий. После этого они обчищали их карманы или прилавки. Иногда попадались более квалифицированные личности, которые использовали для своих целей истинную магию иллюзий – самородки, настоящие «народные» таланты, сумевшие извлечь истину из гор словесной шелухи. Но не имея своих запрещенных порошков и зелий, они представляли собой обыкновенных людей, неспособных никого обмануть.

– Эй, Валлент, ты ли это? – раздался зычный голос бородатого следователя, сидевшего на ступеньках каменного крыльца. Это был крупный человек средних лет, одетый в традиционный темно-зеленый наряд сотрудника Отдела, местами протершийся и полинялый. Его массивную голову прикрывала от капель дождя черная кожаная шляпа с опущенными полями, так что вода, не задерживаясь, струйками стекала ему на спину и плечи.

– Тебе что, нечем заняться? – Магистр спрыгнул с лошади и подошел к нему. – Феттиг, ты слишком стар, чтобы глядеть за этими пронырами.

– И то верно! – захохотал тот, мощно хлопая Валлента по плечу. Широкое лицо бородача расплылось в улыбке, а за толстыми красными губами сверкнули на удивление здоровые зубы. – Махнем в наш кабак? А этих прикуем к перилам!

Когда Валлент еще служил в Отделе, Феттиг был начинающим следователем. Удалось ли ему добиться успехов или нет, магистр не знал, но судя по тому, что он надзирал за пойманными мошенниками, лавров магистра он не снискал. Валлент с сомнением пощупал деревянные перила, ограждавшие лестницу с левой стороны, – они скрипели и пошатывались. Да и все двухэтажное здание Отдела частных расследований за последние годы изрядно обветшало, а сам Отдел, растерявший лучших сотрудников после войны, уже не вызывал такого уважения в людях, как раньше. Криминальная стража, напротив, неожиданно окрепла и вполне успешно ловила обычных жуликов, несколько лет назад заповоливших города. Новые правила судопроизводства помогли справиться с волной преступности, и из них главное: обвинение уже не нуждалось в прямых доказательствах, достаточно было косвенных. Кстати, такая практика постепенно получила распространение и в работе Отдела. Но Валлент к этому времени уже ушел в отставку, так что не мог оценить всех преимуществ новой системы, позволявшей при меньших усилиях отправлять в темницу на правом берегу Хеттики больше преступников. Злоупотреблений, конечно, тоже хватало, но тогда главным для Отдела было сбить волну мошенничества, а когда это удалось, новые порядки уже основательно прижились.

– Эти перила не удержат и собаку, – осклабился магистр. Он расспросил Феттига о некоторых старых знакомых, в момент его последнего визита в Отдел еще работавших в нем, но здесь оставалось все по-прежнему, разве что с вымиранием населения дел становилось все меньше.

Через четверть часа Валлент уже продолжал свой путь к Ордену и вскоре, миновав западный угол дворца, выехал к ограждению имперской конюшни. Конюший без разговоров принял у него Скути и поставил ее в крытое стойло.

В холле Ордена следователь снова выдержал процедуру идентификации, на этот раз занявшую всего четверть минуты, и обошел сбоку центральную лестницу, под которой пряталась каморка привратника. Через приоткрытую дверь он заглянул внутрь, но хозяина там не оказалось. В комнате размером десять на шесть шагов с наклонным потолком разместился бархатный диван темно-синего цвета, большой плоский аквариум с земноводными, террариум с разноцветными змеями, несколько летучих мышей, сова и ворона – все в собственных клетках, а также пять деревянных коробов с ярко-зеленой травой и даже цветами. Посередине громоздились небольшая угольная печка и ящик с топливом, а на полке стоял нехитрый посудный набор. Судя по всему, где-нибудь по углам обязательно жили в своих загонах

крысы и другие живые поставщики популярных магических веществ. Все это едва освещалось через узкое оконце в дальней части комнаты.

Валлент прикрыл дверь и обвел взглядом холл, соображая, где может находиться Блоттер. В первую очередь стоило проверить бывшую кухню, сейчас превращенную в склад хозяйственных принадлежностей. Обойдя лестницу с другой стороны, магистр углубился на несколько шагов в правый коридор и открыл дверь служебного помещения.

Посреди тесной комнатухи, опираясь о деревянную швабру, стояла Халлика, приходящая работница лет сорока. Привратник же с помощью длинного рычага усердно наливал воду в ведро, подставленное под торчащую из дальней стены медную трубу. При появлении следователя они разом замолчали и устались на него со скрытым напряжением.

– Вы Блоттер? – спросил он, обращаясь к сухопарому, довольно бодро выглядевшему старику, одетому в небрежно заштопанный зеленый камзол и черные гетры.

– Да, я. Что вам угодно, магистр... Валлент?

– А у вас отличная память.

– Не жалуюсь.

Служанка стояла с полуоткрытым ртом и переводила взгляд круглых глаз с магистра на Блоттера и обратно, жадно ловя каждое слово.

– Вы уделите мне несколько минут?

– Отчего же нет? – Блоттер ободряюще кивнул подруге и последовал за гостем в свое жилище под лестницей. – Вы снова работаете в Отделе? – осмелился спросить он, входя в комнату и закрывая за собой дверь.

– Давайте присядем, и я расскажу вам о цели своего визита.

Старик смахнул с дивана какие-то мелкие коричнево-серые кусочки, разительно напоминавшие птичий помет, и уселся в напряженной позе. Некоторые из тварей стали метаться по своим клеткам, иногда вскрикивая, но люди не обратили на них внимания.

– Я совсем ненадолго отвлеку вас, – стараясь придать голосу успокаивающие интонации, сказал Валлент и с опаской устроился рядом с Блоттером. Предположение старика, что магистр вернулся в Отдел частных расследований, не устраивало его, и он решил выложить заранее подготовленную легенду. – Как бывший сотрудник Отдела я выполняю личное поручение Мастера и изучаю надежность системы безопасности Ордена. Расскажите мне, пожалуйста, что случится, если сюда войдет кто-нибудь посторонний, чей отпечаток не содержится в памяти системы?

– Да может, вам лучше у самого Мастера об этом спросить?

– Но ведь вы работаете здесь дольше него и должны знать о таких вещах не в теории, как он, а на практике. Все дело в том, что он не помнит, когда в последний раз в Орден проникали посторонние люди. И сама система такая древняя, что никто толком и не знает, как она функционирует. – Тут Валлент слукавил, ведь документы, где защита здания подробно описана, наверняка мирно пылились в архиве.

Старик погрузился в задумчивость и молчал очень долго. Зверье тем временем привыкло к незнакомцу и шипело уже не так громко. Магистр, рассматривая тварей, обратил внимание на неподвижного ежа, разместившегося на полке почти под самым потолком в высокой части комнаты, над окном, и молча сверлившего посетителя блестящими глазенками. Чучело какой-нибудь несчастной жертвы магических опытов, кажется, стало в Ордене обязательным элементом обстановки. Семь лет назад таксидермией тут не увлекались.

– Да, на моей памяти был один случай, лет тридцать назад, – очнулся привратник. – Тогда какой-то маг-недоучка проник в кабинет на первом этаже, через окно. Месяца за два до этого его прогнали из Ордена.

– И что случилось?

– Я уже спал, но сквозь сон услышал его крики и поспешил на них. Второпях я забыл запасные ключи, так что мне пришлось за ними вернуться. Прошло минут десять, прежде чем я нашел дверь, за которой раздавался шум. А когда я вошел туда, грабитель лежал на полу и не двигался. Он был весь мокрый с головы до ног, и у него обгорели все волосы на голове.

– Он был мертв?

– А то как же!

Он вновь надолго замолк, и Валленту пришлось сказать:

– Как он мог обгореть, если был мокрым?

– А это уж я не знаю, господин, спросите у Мастера. Не иначе огонь и вода были магическими, как по-другому?

Валлент знал, что вице-консул Даяндан хорошо разбирался в магии. Может быть, не хуже покойного Мегаллина, если у него хватило сил справиться с ним на расстоянии. Оставалось неизвестным, сможет ли квалифицированный маг противостоять охранной системе Ордена. И вопрос этот грозил так и остаться невыясненным, поскольку все настоящие маги столицы, кроме Даяндана, работали в Ордене и были здесь своими.

– Хорошо, проникновение через окно карается смертью. А что произойдет, если чужак войдет через дверь?

– А вы-то сами как в первый раз вошли? – скептически поинтересовался старик.

– Со мной был господин Бекк, он держал меня за руку.

– Ну да, ну да, – закивал привратник и вновь задумался, но на этот раз ненадолго. – Так вроде ничего особенного и не случится. Пару раз такое бывало, я сам видел, как человек замирает и не может сдвинуться. И подойти к нему нельзя, как будто на воздушную стену натыкаешься. Один так полночи простоял, кричал там, надрывался, да только не слышно его было. Мастер пришел утром, на него посмотрел, поговорил, узнал, что ему надо, и после этого за дверь-то и выгнал.

– Что, своими руками?

– Зачем своими? Дунул на него, он и слетел со ступенек.

Как ни крути, утверждать однозначно, что вице-консул не сможет проникнуть в здание, Валлент бы не стал. Все-таки азианец, вероятно, владел магией воздуха, с помощью которой создавался невидимый кокон вокруг нарушителя.

– А каким образом система защиты видит, что в Ордене посторонний? – спросил магистр.

Блоттер недоуменно покосился на него и пожал плечами:

– Господин Валлент, вы уж про магию меня не спрашивайте, я в ней не понимаю. Что другое – пожалуйста, а уж в эти дела я не вмешиваюсь.

– А не бывало ли случая, когда кто-нибудь пытался вынести из Ордена что-нибудь ценное – например, старую книгу или магический предмет?

– Не припомню такого. Я даже не знаю, можно это сделать или нет. При выходе отсюда магия ни разу не срабатывала. Может, кто и выносил что-нибудь, я ведь не могу стоять у двери и магов обыскивать.

– Они к вам хорошо относятся? – неожиданно поинтересовался Валлент.

– Как обычно, – замялся Блоттер. – Вы же сами знаете, что они малость не в себе, все время такими странными вещами занимаются. Вот магистр Шуггер любит разных животных разрезать, достает из них внутренности и развешивает на веревках. За одной крысой, помню, с сачком гонялся, а она между стен летала, будто каучуковый шарик – и смех и грех! Зато все разбежались, а то по ночам в открытую шуровали. Так он потом на летучих мышей перекинулся – всех на чердаке переловил.

Видно было, что привратник не слишком одобряет деятельность кровожадного мага, но осуждать открыто его пристрастия не считает возможным.

– Значит, говорите, здесь жили летающие крысы? – недоверчиво поинтересовался Валлент, подозревая Блоттера в старческом слабоумии.

– Только одна, да и ту просто зачаровали, вот она и полетела, – с оттенком печали улыbnулся старик, припоминая былой казус. Вдруг он нахмурился и строго взглянул на магистра. – Да вы, может быть, думаете, что кто-то из господ магов может охрану сломать? – вдруг воззрился он на гостя.

– Я не исключаю такой возможности, – согласился Валлент, довольный тем, что ему не придется изобретать причину своего интереса к характерам членов Ордена. – Работа у них, сами знаете, нервная, все возможно. Может быть, вы припомните какие-нибудь странности в поведении кого-нибудь из магов?

Блоттер явно напрягся и отвел взгляд, видимо, пребывая в сильном смущении. Конечно, это не его дело – рассуждать о привычках хозяев, но Валлент был все-таки представителем Мастера, и привратник, видимо, решил поделиться с ним своими наблюдениями.

– Не знаю, поможет ли вам то, что я заметил, – нерешительно начал он, – ведь господин Мегаллин, мир его праху, уже покоится в могиле...

– Расскажите мне, что вы видели?

– Ну ладно, слушайте. Я всегда его уважал, да и маги, по-моему, тоже. Деньгами мне иногда помогал. Знаете, ему ведь несладко пришлось, когда Мастер Эннеллий... да это дело прошлое.

– Ну почему же, все может быть важным.

– Я ничего не помню, давно это было, – отрезал Блоттер и поспешил продолжить: – Вот и с семьей у него не заладилось. Говорил мне, что жениться нет никакого смысла, все равно детей не будет. Как-то весной он пошутил, что подбросит мне ядовитую змею, я еще посмеялся вместе с ним... Потом мне деньги нужны были... я на скачках проиграл. Так вот, это уже в мае было, я попросил у господина Мегаллина немного, чтобы долг отдать. Он всегда мне давал, пусть не в тот же день, на другой, но ни разу мне не отказал. А тут как-то усмехнулся недобро и спрашивает: «Что, опять не на ту лошадь поставил, старый шалунишка?» Мне обидно стало, что он так говорит, но я виду не подал, конечно, признался. «У Халлики своей займи, она даст», – сказал он и ушел. Даже не знаю, почему он стал таким злым, раньше бы он так меня не обидел. Пусть я всего лишь слуга...

– И что было дальше?

– Дальше-то? Да ничего, больше он со мной не разговаривал, не замечал как будто. А потом, в июне уже, я кормил змей, и одна из них меня укусила. Я посмотрел, а это маленькая гадюка была, и у нее был зуб целый, она вместе со всеми в моем ящике ползала. Я сразу про этот разговор вспомнил, как он мне про змею сказал. Я уже подумал, что смерть моя пришла, побежал к нему, а сам уже чуть не падаю. Хорошо, что гадюка совсем молодая была, а то бы не добежал. А он как будто ждал меня, и говорит, ложись, мол, на стол, и какой-то горшок с цветами мне на грудь поставил. А больше я не помню ничего, сознание потерял. А очнулся когда, то мне получше стало. Я сам встал со стола, а он сказал, что я могу идти к себе, спасибо, мол, старик, за вклад в познание истины. Так и сказал, и до того мне за него неловко сделалось! Такой был человек хороший, а дошел до того, что уже на людях стал опыты свои ставить.

– А что цветок, завял?

– Откуда вы знаете? – поразился Блоттер.

– Я только предполагаю.

– Точно, я еще удивился, что был совсем еще крепкий куст, а стал весь черный, словно неживой. Я даже подумал, что он его подменил, когда я без памяти лежал.

– И когда это случилось, не помните?

– В июне, в самую первую неделю, точно помню.

– Может быть, вы заметили еще какие-нибудь странности в его поведении?

Старик задумался, но затем отрицательно помотал головой.

– Я так думаю, что здоровье у него стало портиться, – сказал он. – Оттого и характер тоже стал плохой... Знаете, он вообще-то симпатичный был человек, он мне всегда нравился, еще с того самого дня, как стажером стал. А уж за крысу свою как переживал, до слез дошло... А в конце он как-то пожелтел весь и струпья у него на шее появились. А он как будто и не замечал. Я так думаю, во всем его болезнь виновата. Все магия проклятая, все беды от нее случаются, вот и война тоже...

– Хорошо, меня остался только один вопрос, – сказал Валлент. – Кто из женщин посещает Орден и как часто?

Старик улыбнулся в первый раз за все время разговора, его лицо почему-то приобрело хитроватое выражение, а глаза прищурились.

– Да вот хотя бы Халлика, она тут каждый день навещается, с десяти до двенадцати полы моет, пыль вытирает. Пока весь Орден-то с тряпкой обойдешь, и неделя минует! Еще иногда жены господ магов приходят, нечасто, правда. Да, и Мунна, официантка из того же ресторана, что и Халлика, тоже бывает, когда у них клиентов мало, или когда хозяина заранее попросят ее прислать. Я с ней по комнатам хожу.

– Зачем?

– Как же, а что, по-вашему, я тут делаю? Присмотреть за ней, да мало ли что!

– Я имею в виду, с какой целью она посещает магов?

– Горячий обед носит, конечно, зачем же еще? Я у нее тоже иногда покупаю, когда деньги есть и самому готовить невмочь.

– Все понятно. Скажите, пожалуйста, вы знаете всех этих женщин поименно? Вы всегда видите их, когда они проходят в здание?

– Это я не обязан делать, уж извините! Что мне, день напролет у дверей стоять? Да разве они со мной разговаривают? Нет, не знаю я, как их имена, и совсем редко они тут появляются, всего раза два и видел. Не мое это дело, за чужими женами подсматривать!

Блоттер почему-то рассердился и нервно заерзал на диване, и Валлент решил, что пора заканчивать беседу: в его планы не входило успокаивать возбужденных старцев. Он поблагодарил привратника за разговор и вышел из каморки. Магистр остался доволен, однако количество вопросов, требующих ответа, отнюдь не уменьшилось. Остановившись рядом с перилами, он услышал негромкое звяканье ведер в подсобке. Судя по всему, служанка уже успела израсходовать всю воду, добытую ей любезным стариком, и вернулась за добавкой. Он вновь потревожил работницу, войдя в ее владения, но на этот раз она вела себя более приветливо.

– Халлика, я хотел бы поговорить с вами, – таинственным голосом сказал Валлент, цепко осматривая обстановку. Как он и ожидал, в углу широкого облупившегося подоконника притулилась набитая крыса, почти неотличимая от настоящей. Она мирно стояла на простой деревянной подставке, сверкая красноватыми бусинками стеклянных глаз.

– Конечно, господин магистр.

– Почему бы вам не выбросить эту гадость? – спросил он, кивая на чучело грызуна.

– Что? Ах, вы про крысу! Симпатичная, правда?

– Неужели? Вы набиваете чучела?

– Конечно, нет! Я как-то мыла у Мастера Деррека, а он попросил меня принести ему из «Эвраны» самую толстую крысу, какую мы только сможем там поймать. Не знаю, зачем, и не спрашивайте. Он сказал, что в ресторанах они всегда отъедаются, а у Блоттера все какие-то худые да замороженные. А я все забывала и забывала. А потом полезла на верхнюю полку,

чтобы пыль протереть, и нашла там это чучело. Кто уж ее набивал, я не знаю, кто-нибудь из господ магов, наверное. Посмотрел Мастер Деррек на нее и говорит: «Оставьте у меня», а через неделю я у него мыла, он мне и сказал: унесите, мол, к себя в подсобку, поставьте на подоконник. Так и стоит.

– И давно?

– Да уж года два с лишком, точно не помню. Как живая!

– А это самец или самка? – зачем-то полюбопытствовал Валлент.

– Да разве ж теперь узнаешь? Это ведь чучело, а не труп!

Валлент решил оставить тему вездесущих чучел и сказал:

– Похоже, ваш ресторан имеет тесные связи с Орденом и у вас отлично кормят. Он называется «Эврана»?

– Конечно, господин Валлент, как же еще он может называться.

– Если не ошибаюсь, он расположен как раз напротив бывшего торгового представительства Азианы?

– Верно. У нас, кстати, не только ресторан, но и казино на втором этаже. Но открыто только по ночам.

– А что, много бывает народа?

– И не говорите, столько мусора по утрам выгребаю, ужас! И стекло битое, и объедки прямо по углам раскиданы. На столах лужи, а в них что только не плавает!

Валлент подошел к окну и сел на подоконник.

– Скажите, Халлика, часто вам здесь женщины встречаются?

– Это где, в Ордене, что ли? – неожиданно рассмеялась она и стала поправлять растрепавшуюся прическу. – Да вы смеетесь, господин Валлент!

– Ничуть. Неужели за все время, что вы здесь работаете... кстати, когда вы пришли сюда в первый раз?

– Года четыре назад, не меньше.

– Так вот, за все эти годы вам ни разу не встретились здесь хотя бы одна женщина?

Впервые за всю беседу служанка взяла паузу, чтобы покопаться в собственной памяти, и магистр не был разочарован результатами ее поисков.

– В прошлом году, осенью, я как-то мыла пол у Мастера, и к нему зашла дама весьма приятной наружности, лет тридцати от роду. Я не успела ее как следует рассмотреть, помню только, что у нее были очень светлые и длинные волосы и короткое синее платье с кружевами по низу. Она хотела что-то ему сказать, но Мастер сделал ей знак, чтобы молчала. Он сразу помрачнел и приказал мне прийти попозже, через полчаса, и я ушла к магистру Мегаллину. Но как одевается теперешняя молодежь! Мне было просто неловко смотреть на ее голые ноги.

– И больше вы ее ни разу не встречали?

– Нет, больше ни разу. Так ведь я только до двенадцати здесь убираю, потом мне в ресторан надо, вечером клиенты приходят. И вы приходите, не пожалеете! Дороговато у нас, правда, так ведь вы на службе у самого Императора... Музыканты у нас в ресторане самые лучшие в Ханнтендилле. – Она спохватилась и собралась уходить. – Вы извините, господин Валлент, мне еще работу свою делать, а я тут с вами заболталась.

– Давайте, я помогу вам ведро донести. – Магистр подхватил емкость с чистой водой, служанка было запротестовала, но Валлент молча кивнул на дверь. Они вышли в коридор и направились по главной лестнице на второй этаж. – Скажите мне, как к вам маги относятся?

– Да разве они со мной разговаривают? Обыкновенно относятся, некоторые разрешают мне не мыть у них, если от работы не хотят отвлекаться.

– А у кого вам не нравилось убирать?

– Это же моя работа, мне ведь платят за чистую уборку. Ну, раз уж вам так интересно, у магистра Шуггера всегда очень грязно, часто засохшую кровь оттирать приходится. Хорошо еще, он не очень-то следит, как я ее отмываю. Это мне Блоттер сказал, что его Шуггером зовут, со мной он ни разу не заговаривал.

– А у господина Мегаллина? – поинтересовался Валлент. Она так резко остановилась, что от неожиданности он едва не выронил ведро, и всем телом повернулась к нему. Всякое выражение исчезло с ее лица. Она выхватила у Валлента ведро, чуть не пролив ему на сапоги часть воды. Однако спустя несколько мгновений Халлика все-таки овладела собой и через силу улыбнулась:

– Спасибо за помощь, господин Валлент, но мне пора работать. Так вы заглядывайте к нам в «Эврану».

По ее какому-то затравленному и в то же время решительному виду магистр понял, что больше ему от служанки ничего не добиться.

Глава 6. Желтая мазь

Он огляделся и понял, что находится на втором этаже здания, в самом начале правого коридора. Халлика скрылась за одной из дверей, где в настоящее время, судя по всему, работал кто-то из членов Ордена. Можно было бы пройтись по кабинетам, стучась в каждую дверь и пытаясь расспрашивать их обитателей – если, конечно, кто-нибудь сейчас был в лабораториях, – но у Валлента голова пухла от неожиданно обильного утреннего улова, переполнившего мозг новыми данными. А со времен работы в Отделе он взял за правило давать добытой информации «утрястись» в мозгу. Иными словами, стоило сделать небольшой перерыв.

Проникнув в лабораторию Мегаллина тем же способом, что и накануне, магистр застал уже знакомый по вчерашнему визиту беспорядок. Сегодня его заинтересовала вполне конкретная вещь – лабораторный журнал Мегаллина. Усевшись за стол так, чтобы свет падал на страницы, он раскрыл его и попытался понять, что обозначают многочисленные аббревиатуры, из которых, собственно, и состоял практически весь текст. Чуть ли не единственное, что не подверглось зашифровке – даты перед каждой новой записью. Местами, ближе к началу, попадались уже встречавшиеся в дневнике Мегаллина имена Берттола и Лаггеуса, рядом с ними стояли двузначные или трехзначные числа, все в пределах трех сотен. Одна из записей, относящаяся к середине ноября 818 года, была обведена жирной чертой, и тут же, на полях, значилось слово: «аура». Рядом громоздилось несколько восклицательных знаков: Мегаллин не сдержал эмоции. Интересно, вел ли он в это время дневник? Начиная с двадцать второго февраля, страницы буквально пестрели упоминаниями труда Крисса Кармельского. Едва Валленту пришла в голову мысль о ссылках, как он тотчас заключил, что числа – всего лишь номера страниц этих трактатов, где, по всей видимости, описывается то или иное заклинание или состав. Интересно, что в мае имя Крисса встречалось в тексте всего пять или шесть раз, а в июне Мегаллин вообще ни разу не упомянул в журнале никого из древних магов. Похоже, он или наловчился обозначать применяемые им магические средства одной-двумя буквами, что сомнительно, или шел собственным путем исследователя.

Так или иначе, у Валлента имелся дневник погибшего мага, и с его помощью он намеревался повторить достижения Мегаллина. Даже если продолжения записок не существует, уже ясно, с чего следует начать: с трудов Берттола и Лаггеуса, раз уж фолиант Крисса пока недоступен. Магистр закрыл журнал и откинулся на спинку кресла, глядя сквозь мутноватое стекло на башенки дворца с маленькими фигурками часовых. Глухо зазвонил колокол.

В голове занозой сидела Халлика с ее реакцией на простой вопрос о Мегаллине. Из рассказа Блоттера можно было однозначно вывести, что мага поразила неизвестная болезнь, затронувшая не только его тело, но и психику. В частности, он потерял чувствительность к чужой боли. Странно, что Мастер не рассказал ему об изменениях, произошедших с Мегаллином. Хотя, возможно, они проявились не так ярко, как о том поведал Блоттер, все-таки его поведение не выбилось из общепринятого по отношению к слугам. Валлент подумал, что в свете новых данных ему стоило самостоятельно пообщаться с Наддиной, а не перекладывать это деликатное дело на плечи Бессета. Оставалось надеяться, что его юный помощник сумеет разговорить ее и вытянуть сведения о последних месяцах жизни погибшего мага.

Для начала магистр решил основательно ознакомиться с арсеналом магических средств Мегаллина. Он тщательно рассмотрел все этикетки на склянках и колбах, некоторые жидкости понюхал, другие изучил на просвет. Коробки с порошками он вскрывал, чтобы убедиться в правильности надписей на их боках. Вещества, имевшиеся в лаборатории, почти целиком повторяли стандартный набор практикующего мага первой степени. Здесь не было

тех экзотических ингредиентов, о которых пишут авторы книг и мечтают обыкновенные торговцы дешевой магией.

Ни одной книги, разумеется, на полках и в тумбочках Валлент не нашел: очевидно, они были уже возвращены в библиотеку.

Услышав скрип двери, он выглянул из-за стеллажа и увидел Бессета, изо всех сил старавшегося выглядеть как обычно. Его прическа была несколько растрепана, а на лице застыла некоторая ошалелость. Руку помощника оттягивал заметно потяжелевший саквояж.

– Добрый день, господин Валлент, – отдуваясь, проговорил Бессет и поставил свою ношу на свободный участок стола. – Позвольте мне присесть. – Он упал в кресло и закрыл глаза.

– Рассказывай, – сказал магистр и устроился на подоконнике.

– По-моему, я плохо справился с заданием, – начал юноша. – Я старался все сделать так, как вы мне говорили, но эта Наддина, кажется, не отнеслась ко мне всерьез.

– Она не захотела с тобой разговаривать?

– Ну... Да, поначалу... Ругалась, что Мегаллин не известил ее о своем отъезде и пропал так внезапно. – Бессет отвернулся, явно не зная, с какого бока подступиться к своему отчету.

– Послушай, малыш, меня не касается, какими методами ты вел с ней беседу, – твердо произнес он. – Если ты добился результата, это не имеет значения. Другое дело, если Наддина сумела запутать тебя и отвлекла от выполнения задачи. Так что успокойся и расскажи мне о том, что тебе удалось узнать по существу. Мегаллин вел какие-нибудь записи, когда возвращался домой?

Краткая речь магистра отлично подействовала на юношу.

– Хорошо, господин Валлент. Не сразу, но мне удалось кое-что узнать. Так вот, Наддину нанял отец Мегаллина года три назад, и с самого начала между ними – я имею в виду ее и отца мага – установились близкие отношения, поскольку мать Мегаллина умерла за год до этого. Фактически Наддина стала его приемной матерью, хотя маг и был старше ее на десять лет. Но он был слишком далек от повседневной жизни и постоянно пропадал в Ордене, потому она вела себя по отношению к нему как старшая. Когда был жив его отец, Наддина не позволяла себе никаких сомнительных вещей, но прошлым летом он заболел холерой и умер, и после этого она... вышла за Мегаллина замуж. Она сказала, что была у него первой... Я просто передаю вам то, что от нее услышал...

– Не отвлекайся.

– Мне показалось, что она без труда может рассказывать только о том, что было до июня. У нее действительно хорошо налажено хозяйство, разве что в доме как-то слишком много вещей. Она показала мне его комнату... Собственно, там мы с ней и общались. По ее словам выходит, что магистр был ею полностью доволен и во всем доверял, отдавал почти все деньги, которые получал в Ордене – сто дукатов в неделю или около того. Когда я попросил для музея все его личные бумаги, она вынула из сундука целую кучу тетрадей, перевязанных веревкой, и отдала мне. Кстати, читать она не умеет. Сказала, что Мегаллин изредка что-то записывал, когда был жив его отец, а потом забросил, потому что стал слишком поздно возвращаться из Ордена.

– И что же случилось в июне?

– Не знаю! У нее иногда проскакивали намеки, что еще с мая он стал какой-то странный. Ну, помните, она сказала, что по положению в доме чувствовала себя старшей. А в конце весны он вроде бы сделал так, что Наддина поняла, кто настоящий хозяин в «семье», и ей это не понравилось... Она не стала мне ничего толком рассказывать. Да, и с деньгами у нее возникли проблемы, вроде бы он стал отдавать их не все.

– У него были проблемы со здоровьем?

– Почему вы так думаете? – поразился юноша. – Извините, магистр. Когда я рассматривал его комнату, мне на глаза попала баночка с какой-то мазью, но без этикетки. Я ее открыл и понюхал, и она явно пахла магией. Я спросил у Наддины, что это такое, она сморщилась и сказала что-то вроде: «Как намажется этой дрянью, так мне дурно становилось, уж я ее прятала было, да он меня заставил отдать». Я хотел ее расспросить, зачем ему понадобилась эта мазь, но она разлилась и выгнала меня за дверь.

– Ты успел прихватить вещество?

– Конечно, господин Валлент! Все бумаги тоже со мной.

Он извлек из портфеля увесистую пачку из пяти толстых тетрадей, растрепанных по углам. Вслед за ней появился флакон с широким горлышком, закрытый также стеклянным колпачком. Магистр открыл его и убедился в том, что в нем осталась почти половина от первоначального количества желтой субстанции. Запах был незнакомым, и Валлент сильно подозревал, что неведомое вещество является собственным изобретением Мегаллина. Во всяком случае, в банке имелось достаточно мази, чтобы провести анализ ее компонентного состава. А может быть, и помазаться самому, если это будет необходимо для овладения магией третьего уровня.

– Значит, это все, что тебе удалось раздобыть? – Валлент сунул пузырек в ящик стола.

– Да, – виновато ответил Бессет. – Но я смотрел, как Наддина вынимает пачку из сундука, и точно знаю, что там больше не было никаких книг или тетрадей. А эти она отдала с таким видом, будто они ничего не стоят.

– Твои предположения справедливы только в том случае, – наставительно молвил магистр, – если Мегаллин не дал служанке никаких инструкций относительно того, как поступить с его вещами в случае его исчезновения или смерти. Кроме того, он мог прятать свои записки в таком месте, где она не смогла бы их обнаружить. Но в одном ты, конечно, прав – все указывает на то, что в последнее время маг не вел никаких записей. А жаль, они могли бы нам помочь. Но я все же надеюсь, что он всего лишь постарался их как следует спрятать, и мы их рано или поздно найдем.

Юноша заметно приободрился, а при последних словах магистра даже улыбнулся и расправил плечи. Валлент разрезал бечевку, стягивавшую тетради, и раскрыл последнюю из них. По переплету он определил, что маг писал на отдельных листах и лишь затем, по истечении какого-то времени, сшивал их друг с другом. Последняя запись была сделана двадцатого июня прошлого года. Открыв самую первую тетрадь, магистр узрел выведенные на всю страницу витиеватые цифры «801», украшенные ботаническим орнаментом – листками, усиками и цветочками. Таким образом, восемнадцать лет жизни Мегаллина оказались разбитыми на пять примерно равных периодов, если, конечно, он придерживался хоть какой-нибудь логики, когда решал, что пора начинать новый «том».

Магистр сложил приобретение обратно в саквояж Бессета.

– Нам нужно узнать состав этой желтой мази. Кто из магов возьмется сделать хотя бы приближенный анализ?

Юноша ненадолго задумался, затем уверенно произнес:

– Мастер при мне несколько раз говорил, что после смерти Бекка только Дессон может точно определить, из каких веществ состоит смесь.

В самом деле, Валлент припомнил, что во время своих прежних визитов в Орден почти всякий раз встречал в лаборатории эксперта его ученика, полноватого молодого человека.

– Он по-прежнему работает в Ордене? В бывшем кабинете Бекка?

– Конечно, только сейчас, кажется, он находится вместе с экспедицией на западном берегу.

– О какой экспедиции ты говоришь?

– Разве Мастер вам не сказал? Семь членов Ордена в конце июня отправились на берег океана, чтобы пополнить запас «морских» компонентов. Наловить разных тварей, чтобы порезать их на кусочки и засушить. С ними три человека обслуги – конюх, прачка, повара и еще пара стажеров.

– И часто они предпринимают такие вылазки?

– Каждый год. А разве они не всегда так делали? Я думал, вы знаете.

– Вот почему в Ордене так необычно тихо! Я было подумал, что все выжившие маги разъехались по стране и не живут в столице...

Несколько раз за время службы в Отделе Валленту приходилось слышать, что кто-то из магов уехал за недостающим ингредиентом туда, где его можно было купить или добыть. Но в основном этим промыслом занималось местное население, а затем купцы развозили магический товар по стране, в отделения Ордена. Разумеется, большая часть прибывала в столицу. Сами маги разыскивали такие вещи, которые никто больше не брался найти, или нужные только им и больше никому. Был известен случай, когда некий оригинал полез в горы, чтобы украсть яйцо скального орла, гнездящегося исключительно на отвесных кручах. К сожалению, скорлупа куриного чем-то его не удовлетворяла. С тех пор этого смелого мага никто не видел.

– Узнай, пожалуйста, у Блоттера, где сейчас Дессон.

«Неудивительно, что магам в наши дни приходится самим обеспечивать себя нужными для работы веществами», – подумал Валлент. В самом деле, коммерция пришла в упадок, сохранились только основные маршруты между провинциями. А также, как ни странно, торговый путь между Эвраной и Азианой, самый оживленный из всех. Несомненно, объемы товарного оборота по сравнению с довоенными упали в несколько раз, но с другой стороны, во время войны и долгое время после нее они вообще равнялись нулю. Так что, несмотря на разгром торговой миссии Азианы семь лет назад, в августе двенадцатого года, некоторые успехи были налицо. Имел ли к этому отношение вице-консул Даяндан, магистру было неизвестно, но на всякий случай он решил как-нибудь выяснить, как долго тот находится в бывшей метрополии.

Пока Валлент вяло размышлял о послевоенной ситуации в мире, его помощник успел сбегать на первый этаж и вернуться с неутешительным докладом. Увы, Дессон убыл в экспедицию, но в настоящий момент она должна была уже свернуть свою работу и направляться к Ханттендиллю, так что загорелых и отдохнувших магов и их помощников ожидали в Ордене в первой декаде августа. Так, во всяком случае, было оговорено при планировании похода, в том числе финансовом. Просто удивительно, до чего осведомленным в делах Ордена оказался Блоттер. Мало того, что он знал приблизительную дату возвращения путешественников, он смог также поименно перечислить отсутствующих в столице членов Ордена, и Бессет записал всех семерых в свой гроссбух, заведенный им по совету Валлента. Там уже имелся краткий конспект его беседы с Надиной, довольно сумбурный и маловразумительный.

– Что ж, придется отложить повторное знакомство с Дессоном, – пробормотал магистр, рассматривая составленный юношей список. – Ты знаешь, кто из них чем занимается?

– Конечно, все они замечательные люди, я неоднократно видел платежные ведомости с их именами. – На этот раз Бессету пришлось разместиться на подоконнике, прислонившись плечом к холодному углу, но он не был в обиде. – О каждом из них неоднократно упоминал Мастер, их знания он очень ценит. Это прежде всего Химеррий, специалист по магии воды и главный консультант технического Отдела по вопросам водоснабжения...

– Да уж, как ни странно, это дело у нас поставлено не хуже, чем семь лет назад, – признал Валлент.

– ...И его бывший ученик, магистр Дрюммокс, дипломант трех конкурсов молодых магов между пятым и двенадцатым годами. То есть последний в истории победитель, и очень

этим фактом гордится. Кстати, потомок одного из полководцев, завоевавшего со своим войском провинцию Горн. Далее, популярный в народе магистр Шуттих, бессменный организатор праздничных фейерверков на Конной площади и на ипподроме...

– Блестящий мастер своего дела! – воскликнул Валлент. – До сих пор не могу без волнения смотреть на его небесные цветы.

– ...И его вечный ученик, стажер Буммонт. На самом деле, формально он еще не член Ордена, но в магии огня давно превзошел своего учителя. Порядочная лень и фатальное невезение на испытаниях не позволяют ему сдать выпускной экзамен. На нем, как известно, задают вопросы по всем разделам магии, а не только по его любимому. Также в экспедиции участвует Геббот, видный знаток магии воздуха и главный метеоролог страны...

– Помню, однажды, лет десять назад, я поверил его долгосрочному прогнозу по южному побережью и отправился туда с семьей на отдых. Ты будешь смеяться, но за целый месяц выдалось десять солнечных дней, а под конец разразился шторм и чуть не смыл нас в море!

– ...А также единственная в Империи женщина-маг, магиня Гульммика. Это выдающийся специалист по словесной эквилибристике, толкованию снов, ворожбе и отпугиванию злых духов всех четырех стихий. Ну, и Дессон, конечно, он лучше всех разбирается в магии земли и экстрагировании компонентов природных тел.

Валлент взглянул на часы и понял, что проголодался: время обеда давно наступило. Они неплохо поработали сегодня, вытащив из свидетелей множество занятых сведений о Мегаллине и его «семье». Правда, это ни на шаг не приблизило их к разгадке причин его смерти.

– Где живет Наддина? – спросил он.

– Вы хотите с ней сами поговорить, магистр Валлент?.. Я почти уверен, что все из нее вытряс. Если встать спиной к ремесленной школе, то на противоположном берегу Хеттики, прямо перед собой, увидите ее дом. Он грязно-розовый, стоит в пяти десятках шагов справа от Камерного театра, почти у самой воды. Да, забыл вам сказать... Мне показалось, что в доме живет кто-то еще, помимо самой Надины. Везде какие-то непонятные вещи, домашняя утварь, мешки с тряпьем... Хотя в целом довольно чисто.

– Все, перерыв до четверга, – сказал Валлент и поднялся. – Завтра займись своими делами. Заодно попробуй узнать, как мне встретиться с вице-консулом Даянданом так, чтобы не вызвать его подозрений. А портфельчик твой я забираю, верну при встрече.

Глава 7. Маккафа

До сумерек оставалось еще несколько часов, когда Валлент, сидя на своем обычном месте в кабинете, раскрыл первую тетрадь из пяти, принадлежавших покойному магу. Он напомнил себе, что ведет вполне официальное, санкционированное самим Императором расследование, а потому имеет полное право изучить всплывшие в ходе работы по делу документы. Но непосредственного отношения к магии третьего уровня тетрадь Мегаллина не имела, и он чувствовал себя неловко.

«1 января. Вот и настал первый день нового столетия! Еще прошлой зимой учитель очень доступно объяснил нам, почему 800-й год – это еще не 9-й век. Надо ли делать это на страницах моего дневника? Ладно, для начала неплохо. Вот представьте себе, сказал нам Холльгурн (все за глаза называют его Холлем, это звучит необидно, хотя Бузз мне сказал (кстати, у самого Бузза настоящее имя – Буззон, но он его не любит и запретил так к нему обращаться), что так в Азиане называют только что опоросившуюся свинку), что спортсмен-бегун занял в соревнованиях десятое место. (Ну и завернул я!) А призы раздают только тем, кто вошел в первую десятку. Дадут ему приз? Конечно, самый что ни на есть заваливающий, какую-нибудь треснутую чашку, но дадут. А если награждают только первых сто спортсменов, дадут приз сотому? Тут мы стали громко хохотать, так что Холль рассердился и застучал своим стеклом по парте. «Учитесь мыслить абстрактно!» – закричал он, но мы между собой стали обсуждать, дадут ли приз тысячному и так далее. В общем, большая часть учеников, у которых есть голова на плечах, и так поняла, что новый век начнется в 801 году. И тогда я решил, что первого января непременно заведу дневник и буду записывать в него всякие происшествия и мысли о жизни. Но сегодня же праздник, писать совсем некогда! Мне подарили новые коньки, и страшная сила так и тянет меня на каток! Жалко, погода пасмурная.

2 января. Вчера пришли Реннтиги со своей малолетней дочкой, и весь вечер обсуждали интриги в театре, кто кому не дает играть, кто тайком портит реквизит и тому подобное. Их послушать, так они самые талантливые в труппе. А мне сказали, чтобы я развлекал их девчонку! Надо же такое придумать! Ей хоть и девять лет, а ведет себя, как маленькая, с какой-то куклой явилась и ходила с ней в обнимку. Недаром она никак читать не научится, хоть ее родители и говорят, что это особенность ее организма. Заниматься с ребенком надо, только и всего, а не по гостям ходить! Пришлось сказать, что у меня болит горло и я заразный, тогда отпустили, но сперва смешали в банке какую-то гадость, чтобы я ей полоскал рот. Я ходил к стоку, в заднюю половину дома и выливал помаленьку – такая гадость, что языком-то дотронуться страшно, не то что проглотить. А сегодня ничего интересного не было. Хотел опять пойти на коньках кататься, но отец сказал, чтобы я горло лечил. От нечего делать читал книжку по искусству грима, мама ее постоянно штудирует, а я раньше думал: бери да намазывай, что тут сложного? Там, правда, есть такие забавные штуки, вроде того, как сделать ходячего мертвеца. Я сам такую пьесу видел, меня мама брала с собой в театр. Там из склепа выходит труп, но никто его не боится. А я подумал: откуда автор этого пособия (оно называется «Настольная книга театрального

гримера») узнал, как должен выглядеть замогильный мертвец, он что, на кладбище копался?

3 января. Мне так надоело сидеть дома, что я с самого утра возмутился и заявил, что горло уже не болит. Отца как раз не было, ушел в суд на работу, а маме только вечером в театр, но она уже прикидывает, как будет актеров раскрашивать, потому что сегодня новогодняя премьера. Они, когда репетируют, отказываются грим накладывать, и режиссер их слушает. Он тоже думает: что тут такого сложного? Если бы он внимательно мамину книжку почитал, он бы по-другому заговорил. Ну и устал же я, рука еле поднимается. Но все-таки надо записать, как мы с Буззом на коньках катались. Он меня спросил, почему я вчера не пришел, пришлось опять про дурацкое горло говорить. Видели Маккафу, она каталась с толстой подружкой, неуклюжей и с визгливым голосом. Буззу это девчонка (они на год младше нас, мы слышали, как Маккафа называла ее Бюшшой) нравится почему-то гораздо больше Маккафы. Может быть, толстяки сами собой притягиваются друг к другу? Я засмотрелся на девчонок, не заметил кочку на льду и растянулся во весь рост. Даже Бузз засмеялся, а про тех и говорить нечего, стояли и хихикали. А Бюшша пальцем показывала. Я думал, стоит про такие вещи писать или нет, все-таки мой дневник не для таких пустяков. А потом решил, что всякие события, особенно неприятные, формируют характер человека. И он всегда сможет потом сказать – вот, мол, вы надо мной смеялись, а я ожесточился и теперь мшу вам.

4 января. Послезавтра опять в школу. А сегодня я на дневной спектакль ходил, детский, и там половина нашей школы оказалась. Признаюсь, что я на сцену почти не смотрел, я этот спектакль уже видел, меня мама на репетицию брала. Я от нечего делать пошел. Через три ряда от меня сидела Маккафа со своей толстухой. Она, когда в зал заходила, оглядывалась и меня заметила, и так прищурилась хитро. Я боюсь, что она заметила, как я на нее смотрю. Бузз сказал, что девчонки не такие, как мы, они могут прямо в голову человеку заглянуть и все узнать, о чем он думает. Но мне было не очень интересно следить за спектаклем (там один добрый мальчик случайно разбил дедушкин флакон с лекарством, очень дорогим, но попросил Мага Мороза, и тот под Новый год принес дедушке это лекарство, который сразу выздоровел), и я смотрел на ее прическу. У нее такие гладкие волосы, а отдельные волоски встопорщились и как будто светились. А сам думал, что она чувствует, как я на нее смотрю, но что мне еще было делать? И в антракте боялся, что она подойдет и спросит: «Что это ты все смотришь, а, мальчик? Ты вообще кто такой?» А она словно ничего не заметила и даже не ни разу не взглянула на меня, как будто специально.

5 января. Сегодня ничего интересного не случилось, мыслей тоже никаких не было.

6 января. Целую неделю не было занятий, а сегодня снова через реку валят толпы учеников. Лед в этом году толстый, не то что в прошлом, тогда один ученик чуть не утонул, и нам запретили переходить Хеттику по льду (поставили двух гвардейцев на обоих берегах). После каникул совсем не такое чувство, как после болезни. Знаешь, что ничего без тебя не случилось и все пришли вместе с тобой в первый раз в новом веке. Я смотрел в окно на восточное крыло школы, где учатся девчонки, думал – вдруг ее увижу. Как раз был урок письма, Холль правило новое объяснял, и вдруг Бузз меня

локтем толкает – оказывается, учитель меня спросил. Кое-как с помощью Бузза отбрехался.

9 января. Я так думаю: если ничего не случается, зачем я буду писать, что ничего не случилось, если и так понятно? Если я пропускаю какой-то день, значит, мне или нечего сказать, или некогда. Поэтому я и выпустил два дня. Сегодня на биологии изучали строение летучих мышей. Это было бы не так интересно, но из Ордена магов пригласили стажера, его зовут Шуггер. У него учителем сам Дадденк, который Императора лечит, вместе в врачевателями из Академии. Этот Шуггер принес на урок летучего кота в мешке, еще живого, и стал показывать, как легче всего умертвить его. Хорошо, что в классе нет девочек, а то бы визгу было! Все это, конечно, занятно, только я все понять не мог, зачем он кота режет, когда можно на схеме все показать? Тем более, что он и так постоянно в нее своим кровавым ножом тыкал. А в конце урока он сказал, что кто не испугался и почувствовал в себе призвание хирурга, пусть тренируется на крысах. А потом запишется у директора, у них как раз в Ордене следующей зимой новый набор (для ребят нашего возраста). Я спросил у Бузза, хочет он стать врачевателем или нет, но Бузз был такой бледный и слабый, что ничего мне не ответил.

12 января. Сегодня выходной, а я сижу в своей комнате, и так мне нехорошо, что слов нет. Но если уж писать, то по порядку. Так вот, утром пришел Бузз и позвал меня в гости. Сначала мы опять на коньках катались, я все ждал, придет Маккафа или нет. Бузз, по-моему, тоже эту толстую Бюшшу высматривал, только они не появились. А потом мы к нему пошли, его мама как раз пироги состряпала. Он на другом берегу живет, в большом деревянном доме, почему-то без водоснабжения – колонка во дворе торчит. Там, кроме родителей Бузза, и другие семьи живут, у каждой своя квартира. У кого маленькая, у кого побольше. У Бузза не самая большая, всего две комнаты, в одной его родители спят, а другая общая, там Бузз и его бабушка ночуют. Эта старушка все время на меня косилась, пока я пироги уплетал, вкусные оказались, с квашеной капустой и яйцами! Я из-за его бабки не очень люблю к Буззу в гости ходить, но он меня пирогами заманивает. Потом мы пошли в ту комнату, где его родители спят, они нас пустили и по своим делам ушли. Сначала мы подушками кидались, потом мне Бузз свою папку показал, с рисунками. Я давно уже знаю, что он художником хочет стать, даже маму мою нарисовал как-то раз. А в декабре спрашивал у нее, можно ли ему какую-нибудь декорацию в ее театре сделать, хотя бы для детского спектакля. Мама ему пообещала с директором поговорить, с тех пор он все время ко мне пристает, что да как. А она мне говорит, что директор пока не соглашается, просит показать ему готовые картины. Я Буззу так и сказал: рисуй картины, потом соберем в кучу и покажем, может, понравятся. Я сразу понял, что он хочет мне свои рисунки показать, их там несколько штук уже лежало. Посмотрел я на них, и что же? Там везде эта толстая Бюшша нарисована, и только на одном рисунке они с Маккафой вместе, выполняют какой-то сложный парный номер на льду. Да и то Маккафа почему-то серая, а Бюшша прямо красная от мороза, как помидор. Бузз меня спрашивает: «Ну как, нормально?» Что я мог ему сказать? Если бы мне Бюшша нравилась, то рисунки, конечно, тоже бы понравились. Но я как увидел, что Маккафа такая невзрачная по сравнению с его толстухой, то мне немного обидно стало. «Правды жизни маловато», – говорю. «А это что, не правда, что ли?» –

разозлился он и пальцем в Бюшшу тыкает. «Хорошо, пусть правда, а почему тогда Маккафа серая, будто у тебя краски кончились?!» – «Потому что в картине всегда должен быть центральный образ! Ты ничего не смыслишь в живописи», – так он сказал. «Если она толще, то еще не значит, что главнее!» – «Художник имеет право на свое видение реальности! К тому же это не она толстая, а твоя Маккафа худая, как спичка». Короче, мы с ним поругались, и я ушел. Целый час потом еще на коньках катался, чтобы успокоиться, замерз по страшному. Ну и ладно, пусть, сам же еще пожалеет, что со мной поссорился, кто его «картины» в театр потащит?

13 января. Сегодня мы ни слова друг другу не сказали. Но я не стал говорить учителю, чтобы он нас рассадил, и Бузз тоже молчал. Пусть Холль думает, что мы исправились и больше не будем шептаться на уроках.

15 января. Сегодня утром, на уроке рисования, Бузз достал из сумки свою папку и молча подвинул ко мне, уловив момент, когда учитель на нас не смотрел. Я открыл ее, а там рисунок гуашью – Маккафа в полный рост. На коньках и с букетом гвоздик в правой руке. Не понимаю, как Бузз сумел так точно передать все черты ее лица, да еще придал им осмысленное выражение. Если бы я взялся описывать их словами, то это могло бы растянуться на множество строк, а он смог уложиться только в несколько штрихов. Но при чем здесь гвоздики? Хотя красиво, конечно. Под этим рисунком лежало еще несколько: портрет его отца, натюрморт, зимний пейзаж и какая-то геометрическая чепуха. Толстой Бюшши вовсе не было. Я молча сунул папку в свой портфель и протянул ему под партой руку, и он с чувством пожал ее. На перемене Бузз мне сказал, что Маккафу я могу взять себе, а другие он нарисовал специально для директора. И я вечером их маме отдал, когда она из театра вернулась. Она посмотрела, и ей понравились Буззовы рисунки (сама же свой портрет его работы в спальне повесила!). Сказала, что завтра же директору отнесет. А Маккафу я не стал ей показывать, а на шкаф приколол, напротив кровати, так что теперь она всегда у меня перед глазами, как живая.

26 января. Сегодня знаменательный день – я познакомился с Маккафой! У нас был урок здоровья, всем выдали лыжи и погнали вокруг школы, и пока пять кругов не проедешь, не отпускали. На обочине стоял учитель и отмечал в своем журнале, кто сколько намотал. Бузз проехал три круга и так устал, что упал в снег, а потом сказал учителю, что у того чернила в пере замерзли, и две галочки поэтому не видно. Я к пятому кругу тоже порядком выдохся, а тут девчонки вышли, у них урок здоровья в два раза короче. Непонятно, почему им такие поблажки, среди них такие сильные попадают, что запросто Бузза уронят, да еще по шапке наваляют. В общем, мне не очень приятно об этом писать, но раз уж у меня такое правило, то придется. Пока я ковылял свой пятый круг, меня догнали девчонки, которые и проехали-то всего шагов тридцать, и давай кричать: «Лыжню! Лыжню!» Пока я слезал с дороги, одна девка – мощная, как корова, – меня рукой оттолкнула, и я в сугроб свалился. Они все давай хохотать как сумасшедшие, даже Бузз подхрюкивал, про других наших пацанов, которые видели, я уж и не говорю, особенно Клуппер старался. Я уже начал подниматься, а тут Маккафа подъехала, сошла с лыжни и мне руку протягивает. «Какой вы, мальчик, неловкий, – говорит. – Вот и на коньках неуверенно катаетесь». – «Я очень даже ловкий, – сказал я, а сам смотрю и глаз не могу оторвать,

никогда ее так близко не видел. – Просто я уже устал, а она меня толкнула». – «А у вас хватит сил, чтобы мой портфель донести до моего дома? А то я сегодня в библиотеке толстую книгу взяла, тяжелая – страсть!» Уж и не знаю, что за книгу она у нас в читальне отыскала, там только сказки да учебники. Да и те домой не выдают, но это я потом уже подумал, а тогда кивал как дурак и сказать ничего не мог. Она усмехнулась и говорит: «Возле моста, ровно в час», и уехала. Бузз ко мне подошел, а у самого челюсть отвисла, и спрашивает с подозрительным видом: «О чем это вы с ней разговаривали?» А я поверить не могу, что девчонка, про которую я целыми днями думал, мне свидание назначила! Верно говорят, что они мысли читать умеют, иначе бы как она догадалась, что мне нравится? Все, мама идет, пора заканчивать. Остальное завтра допишу.

27 января. Оказывается, она живет еще дальше от школы, чем я – за судом, между цирком и Конной площадью, на Помидорной улице. Выяснилось, что она знала, как меня зовут, и я тоже ей рассказал, что еще осенью ею заинтересовался и узнал ее имя. У нее родители работают в цирке, отец всякий реквизит таскает туда-сюда, а мать билеты продает, и она меня пригласила на представление. А я ее в театр! Вот смеху-то. Представляю, как мы на вечерний спектакль придем, будто взрослые, она в длинном платье, а я в праздничном камзоле. Только бы кто из наших в это время не попался. А в цирк и того хлеще, с детьми сидеть, но не мог же я отказаться. Когда мама меня спросила, чей это портрет у меня на шкафу, я ей признался, что ее зовут Маккафа и она учится в нашей школе. «Симпатичная девочка», – сказала она и как-то странно на меня посмотрела.

30 января. Бузз меня спросил, не мог бы я его с Бюшшей познакомить. Я теперь больше с Маккафой гуляю, чем с ним, и он, по-моему, обижается, но ничего не говорит. Кстати, директору театра его рисунки понравились. Бузз теперь часто туда ходит, старые декорации подновляет, говорит, для начала и это неплохо. У них художник – старый пьяница, зовут его Наггульн, он талантливый, поэтому его не выгоняют, и Бузз надеется его место занять. Я ему сказал, школьника на работу не возьмут, а он мне ответил, что скорее бросит школу, чем рисование. Да и родители обрадуются, платить за уроки не придется. Я сегодня Маккафе передал его слова, она удивилась, но сказала, что завтра придет на свидание с Бюшшей, чтобы я тоже Бузза прихватил. Мы решили в парке встретиться, там есть отличная горка.

14 февраля. Сегодня мы с Маккафой поцеловались! Но по порядку, а то опять я вперед заскакиваю. Бузз притащил свою знаменитую каталку, с ручкой позади (на ней можно рулить), но вдвоем с Бюшшей на нее не смог поместиться, хотя сначала собирался. Он, конечно, ей показывал, как нужно ручку вращать, чтобы поворачивать в нужную сторону, только она, по-моему, ничего не поняла и перевернулась. Хорошо, что у нее жира много и кости в глубине тела, а то бы что-нибудь сломала, только каталка пополам – хрусть! Но я не смеялся, я помню, как на льду и на снегу валялся. А Бузз даже ни разу сам не прокатился, повел Бюшшу домой, она все охала и стонала и на нем чуть не висела. Наверное, притворялась, не так уж сильно она и ушиблась. Мы тоже на горке недолго задержались, народу пришла целая толпа и кататься было трудно, все время под доску кто-нибудь лез, особенно дети мешали. Мы ко мне пошли, чай пить, потому что ближе и Маккафа сказала, что хочет посмотреть, как я живу. По дороге нам Клуппер

попался, со своим старшим братом. Тот уже школу закончил и в Ордене магов стажером работал, туда, наверное, и шел такой гордый в своем красно-черном зимнем плаще (совсем красный-то ему еще нельзя носить!), нос задрал. Клуппер ему на нас пальцем показал, тот так внимательно поглядел, особенно на Маккафу. Она, конечно, красивая девчонка, да он-то на сколько лет ее старше, а еще смотрит! Хорошо, мы быстро мимо прошли, и Маккафа меня потом спросила: «Этот мальчик, кажется, в твоём классе учится? А с ним кто был?» Пришлось ей рассказать, хоть мне и не хотелось, и про брата клупперовского, что он в учениках у какого-то мага. Я сразу заметил, что она им заинтересовалась, потом еще спрашивала меня, как бы между прочим, перешел он на второй уровень или еще нет. И зачем ей этот переросток? Пришли мы домой, а там Реннтиги, и девчонка их тут же, на этот раз зайца принесла и за уши его вертела. Стала к нам приставать, как сумасшедшая, я ей говорю: «Не лезь со своими глупостями к взрослым людям», а она заревела (сразу видно, что притворялась) и сказала, будто я ее оттолкнул. Тут ее мамаша из гостиной выскочила, стала причитать и укоризненно на меня смотреть. Маккафа и говорит: «А хотите, я вашу девочку в цирк свожу? На первый ряд! Мы как раз завтра собирались пойти». Эта сразу перестала орать и запрыгала, так что у зайца чуть уши не оторвались. «Пойдешь, Надочка?» – мамаша ее спрашивает, а чего спрашивать, ясное дело, разве она откажется? Я и так не очень-то хотел идти, на всяких глупых клоунов смотреть (был бы, скажем, Маккафин отец акробатом или силовиком, тогда другое дело), да тут еще эта скандальная личность с нами увяжется, но что поделаешь? Пошли мы ко мне к комнату, кое-как я от этой малявки отвязался, и мама нам плюшки с чаем туда принесла. Маккафа сразу свой портрет увидела и спрашивает: «Кто это меня нарисовал?» Хотел ей сказать, что это я, чуть не ляпнул! Но все равно Бюшша бы ей рассказала, что Бузз художник, так что пришлось признаться, что это Бузз по моей просьбе сделал. Маккафа на мою кровать села, а я сперва на стул, но она мне сказала, что там твердо сидеть, и я к ней перебрался. Стал я ей книгу показывать, пособие для примеров, она очень заинтересовалась, все-таки девчонка, хоть и симпатичная. И спрашивает, не могла бы моя мама ей так же сделать, как на картинках. А я возьми и брякни, что у нас дома только синяя краска, так что только под покойника можно разрисовать, а все остальное не получится, надо специально в театр идти, а он сегодня закрыт. Там на самом деле сегодня представлений не было. Она, наверное, представила, что раскрасилась под покойника и домой пришла, стала меня в бок толкать и хохотать, я тоже ее подушкой стукнул и случайно рукой по плечу задел, она отвернулась и перестала смеяться. Она такая теплая, видимо, потому, что у нее платье бархатное было. Я думал, она слышит, как у меня сердце бьется, а потом я к ней подвинулся и руку на талию положил. В общем, я ее в губы поцеловал, и ей, по-моему, понравилось, потому что она тоже меня рукой обнимала. Но тут в коридоре шаги послышались, пришла мама и чашки забрала, и когда она на меня посмотрела, видно было, что она что-то хочет про мой смущенный вид сказать. Но она только Маккафу спросила: «Правда, что у тебя родители в цирке работают?» – «Конечно, правда. Только они уже не выступают, потому что папа упал и сильно разбился, и мама ему запретила. А вы в театре гримером работаете?» Тут она стала маму спрашивать, где всякие туши для ресниц, помады и так далее лучше всего

покупать, чтобы получилось, как на картинках в книге. Мама ей сперва стала рассказывать, а потом и говорит, что Маккафа и так очень красивая девочка и не надо ей никаких красок. Я сидел и делал вид, что мне скучно их слушать. Тут Реннтиги стали домой собираться, и отец пошел их провожать, и Маккафа сказала, что ей пора идти. Я хотел ее снова поцеловать, но она засмеялась и отпихнула меня, а у самой вид такой хитрый. Я, конечно, ее провожать отправился, жалко, что тут совсем недалеко идти, всего минут пять медленным шагом, а сам все думал: неужели она больше не будет со мной целоваться? А когда мы уже у крыльца стояли, так чтобы фонарь нас не освещал, она сама ко мне повернулась и поцеловала. Я чуть не упал в снег, так ноги вдруг ослабели, а она уже в дверь заскочила. Я домой пришел, и по дороге мне все время мерещилось, как я ее двумя руками обнимаю, и она меня тоже, за шею. Сел за свой стол и сказал себе: «Ты должен все записать, а то утром будешь думать, что тебе это приснилось!» Вот я сидел и целый час, по-моему, строчил, так что не знаю, как у меня рука не отсохла. Наверное, всю ночь буду себе Маккафу представлять.

16 февраля. Вчера ходили в цирк (я там не был уже года три), и мне даже понравилось. Мы втроем сидели на первом ряду, и Маккафу вызвали на арену, потому что клоуну надо было зрителя из зала. Маккафа сказала, что она целую неделю репетировала с этим типом, и теперь ей постоянно приходится вылезать на арену и забираться ему на ноги, пока он идет по кругу на руках. Надоело, ужас, зато директор цирка папе денег немного подбрасывает, как она выразилась. Реннтиговская девчонка была в восторге, она сказала, что тоже могла бы ездить на клоуне, Маккафа только улыбнулась в ответ. А вообще этот клоун в жизни вовсе не такой веселый, каким хочет казаться. Маккафа сказала, что он сперва «руки распускал», а потом злился и кричал на нее, и ни разу не смеялся, даже во время репетиции. Так что я теперь на всех артистов смотрю с тайной мыслью: какие они на самом деле? Кто их ждет дома, есть ли у них дети, которых приходится лупить за плохое поведение? А потом, когда мы от мелкой отделались, я Маккафу спросил, почему она мне про родителей своих не говорила, что они в цирке выступали. Она молчала, молчала, а потом говорит: «Вот представь, что твоя мама была актрисой, и ты в спектаклях тоже участвовал, детские роли исполнял. А потом ее в гримерши перевели, и тебя перестали в спектакли приглашать. Тебе бы захотелось об этом рассказывать?» Тут я понял, что раньше она тоже акробатом была, и я, может быть, даже видел, как она выступает, когда маленький был. «Что такого особенного, – сказал я. – Есть и другие занятия, кроме как людей развлекать». Лучше бы я этого не говорил! Она почему-то обиделась и даже не стала со мной целоваться. Я весь вечер ругал себя за длинный язык.

18 февраля. Сегодня я спросил у Бузза, починил он свою каталку или нет. Бузз сказал, что он сконструировал новую, в полтора раза больше прежней, и они с Бюшшей частенько ходят на горку. Людей передавили – не счесть! Как они придут, горка сразу пустеет, так что он и меня пригласил. А еще на коньках посреди Хеттики катаются. Я сказал ему, что им нельзя кататься парой. Он спросил, почему. Я говорю: «Лед провалится». Мы чуть не засмеялись, но тут Холль посмотрел в нашу сторону, и мы сделали вид, что записываем его слова.

27 февраля. Сегодня мы с Маккафой ходили в театр, как я ей и обещал, на взрослый спектакль. Сели в директорской ложе! Но занавеской, конечно, отгородились от зала, чтобы только сцену было видно. Директор этот спектакль уже сто раз видел и давно перестал ходить, вот мама и договорилась, что нынче меня со знакомой девочкой приведет. Я думал, будет интересно, а оказалось про любовь, хотя называется «Баррбука – дочь колдуна». Там какой-то злобный маг увел принцессу у сказочного короля, а тот обрадовался как сумасшедший. Жена ему говорит: «Позови героя, пусть он дочь спасет», а тот ей отвечает: «Еще чего, вдруг колдун обидится и нас всех погубит? А так у него все силы на нашу дочь уйдут, он про нас и думать забудет». А в той стране жил бедный подпасок, который был в эту принцессу влюблен, он ее только издали видел, поэтому не знал как следует. Отправился он в дальние края, проник в замок колдуна и там в ловушку угодил. Думал, ему конец пришел, а тут вдруг дочка злодейская заявила и его освободила, и унесла его за море. А королевская дочь стала еще хуже, чем была, и всякие пакости своей родной стране учиняла – то град пошлет, то наводнение. В общем, я плохо пересказываю, да и пьеса какая-то муторная, не знаю, что в ней Маккафе понравилось. Если все вечерние спектакли такие, то и смотреть-то их, по-моему, не стоит, правильно директор не пришел.

28 февраля. Я сегодня спросил у Бузза про декорации к «Дочери колдуна». Оказывается, к ним он тоже успел руку приложить. Художник почти перестал на работу ходить, в основном Буззу приходится отдуваться, но он доволен, говорит, директор стал ему деньги платить.

7 марта. Сегодня по льду трещины пошли, всю ночь над Хеттикой хруст стоял, я его хорошо слышал, потому что мое окно на реку выходит. Только эти трещины пока не видно, они примерно через недельку появятся, если погода будет теплой, а потом и лед тронется. Мы уже два года с Буззом ходим на льдинах кататься, никому, конечно, не говорим, зачем пошли. Это за городом, чтобы прохожие не увидели и не кинулись нас спасать. Чтобы не скользить, Бузз специальные железные штуки на столярных уроках выточил. Если их к ботинкам прикрепить, то можно смело по льдинам скакать, как горный козел по кручам.

12 марта. Я заранее родителей предупредил, что мы с Буззом в поход собираемся, сухари начал сушить, достал свои весенние непромокаемые сапоги (из настоящего каучука!) и куртку. Мама спросила, пойдут ли с нами Маккафа и Бюшша, и я подумал, что можно, наверное, и девочку с собой взять, если их родители отпустят.

15 марта. Лед тронулся! Я всю ночь почти не спал, так громко льдины друг об друга терлись. Но еще рано на них кататься, надо, чтобы они свободно по течению плыли и не цеплялись друг за дружку каждую минуту.

19 марта. Эх, как мне вчера не повезло! Опять я вперед забегаю. Короче, в воскресенье, прямо с утра, мы в поход отправились. Я незаметно в котомку запасную одежду засунул, на всякий случай, и Бузз, я думаю, тоже это сделал, потому как нельзя быть уверенным, что в воду не свалишься. Бюшшу родители не отпустили, ей нужно было какой-то пирог стряпать, или еще что-то делать, я не понял. Но Бузз не очень расстраивался, сказал, что одной заботой меньше будет. А Маккафа сразу предупредила, что только ненадолго может отлучиться, часов до трех, и ничего с собой не возьмет,

чтобы лишних вопросов не было. Зато мы с Буззом подготовились по полной программе, продуктов сушеных взяли и бутылки с компотом. И спички, конечно, костер разжигать. Встретились мы с ним возле моста и пошли по Театральной, чуть не потеряли друг друга в толпе, столько народа на ярмарку ехало. Сплошным потоком – конные, на телегах и пешие, многие с котомками, но в основном пока порожняком. Едва вдоль стен протиснулись, так что Бузз мне даже предложил дворами Конную площадь обойти. Но я хотел Маккафе подарок купить, специально шесть дукатов взял. Я еще вчера решил, что ей куплю, мама как-то раз такую штуку домой приносила – это пустое туловище зеркального краба с леденцами. Оно сделано как шкатулка, на внутренней стороне панциря зеркальце, а внутри набито сладкими шариками разного цвета, из разных фруктовых соков. Их из какой-то южной провинции привозят, я точно не знаю, и называют крабулками. Полчаса, наверное, по ярмарке ходили, пока на торговца наткнулись, но у меня только на самую маленькую хватило, в палец размером. А когда я ее купил, Бузз пошел впереди и кричал, чтобы пропустили мальчика-инвалида, иначе бы точно меня вместе с крабулкой раздавили. Но мы все-таки добрались до Помидорной улицы, тут уже полегче стало, хотя теперь вся толпа нам навстречу валила. Маккафа за углом своего дома ждала, и лицо у нее уже сердитое было. Но когда я ей крабулку подарил, она все забыла и тут же открыла ее, и несколько шариков в грязь упало. Мы с Буззом себе по штучке взяли, а Маккафа меня в щеку поцеловала и тут же подарок домой отнесла, иначе бы он в такой толпе погиб. Хорошо, что сапоги у нас были непромокаемые, а то снег уже весь на дороге растаял, повсюду навоз лошадиный и всякий мусор. Через полчаса мы вдоль городской стены прошли, тут уже поля начинались и деревьев почти нет. Вскоре деревня показалась, Дугуллака, домишки там все какие-то черные и покосившиеся, и людей совсем не видать. Только один старик на перевернутой лодке сидел, спросил нас: «В поход отправились?» По-моему, пьяный был. А льдины мимо нас плывут, и Маккафа говорит: «Когда мы будем, наконец, на них кататься?» Тут я понял, что придется мне свои железные зацепки ей отдать, а самому как-нибудь без них обходиться. Подлесок начался, мы прошли еще с пол-лиги и решили на льдины запрыгивать. Я Маккафе цеплялки к сапогам привязал, она с ними, по-моему, чуть-чуть выше меня стала, и мы с ней за руки взялись. Бузз уже прыгнул и на льдине от нас удалялся, а потом и мы с Маккафой заскочили. Я думал, она испугается, но нет, стоит и молчит, только глаза широко раскрыла. Они у нее такие зеленые и красивые, что я засмотрелся и чуть равновесие не потерял, но она меня покрепче за локоть ухватила и не дала в воду соскользнуть. Плыдем мы так вдоль берега, а Бузз уже шагов на десять от него удалился, уселся на крупной льдине и котомку свою раскрыл, бутерброд какой-то огромный достал и уже от него откусывает. Маккафа мне говорит: «Ну что, давай до него допрыгаем!». Я же не мог отказаться, и мы с ней прыгнули. А что дальше случилось, я не очень понял, только под нами льдина закачалась, а потом треснула, и я в воду упал. Хорошо, что успел за край льдины уцепиться, а то бы не выбрался, наверное. Это я уже сейчас понял, а тогда я был спокойный, как скала. Мне показалось, что я очень быстро до берега добрался – руками по краям льдин перебирал, потом дно под ногами почувал и скоро на берег забрался. Только там уже почему-то Бузз с Маккафой оказались, они меня

за руки схватили и под кусты затащили. В воде мне не холодно было, а как вылез, сразу замерз, зубы стучат, чуть не вываливаются. Бузз кинулся плавник собирать, я глаза поднял и вижу, что Маккафа ревет, я ей говорю: «Ты чего это? Тебя льдиной стукнуло?» Вот дурак, не подумал, что она из-за меня. Хорошо, что я с собой запасную одежду взял, сразу стал с себя мокрую стягивать, а руки не слушаются, и Маккафа стала мне помогать. Я тогда еще подумал, что она как сиделка, а я больной, у которого ни руки, ни ноги не двигаются. Бузз в два счета костер разжег, и мне потеплее стало, особенно когда во все сухое переоделся и новые портянки намотал. Сапоги, конечно, насквозь! Я их сушить возле огня поставил, и Бузз тоже свои снял, а от портянок – пар столбом. Хорошо еще, я чистые взял, и он тоже догадался. И хоть я оконфузился с этими льдинами, чувствовал себя очень даже неплохо, и Маккафа все время мне улыбалась и даже один раз, когда Бузз опять за дровами пошел, меня поцеловала, но тут Бузз пришел, и мы отодвинулись друг от друга. А когда я в три часа домой вернулся (мама ничего не заметила, я мокрую одежду в чулане развесил), то понял, что у меня температура поднимается. Я так не люблю болеть, когда приходится в кровати по целым дням валяться, при этом сопли текут и вообще гадко себя чувствуешь! Но пришлось, сейчас вот лежу и чай с малиновым вареньем пью. Все равно, мне в этом году понравилось кататься. А вот Буззу, наверное, не очень, ему дома за прожженный сапог достанется. Слишком уж близко к костру он его расположил, вот и поплатился.

2 апреля. Целую неделю я дома провалялся, так что даже по школе успел соскучиться. Бузз ко мне несколько раз приходил, и Маккафа два раза, но сидела далеко от кровати, боялась заразиться. Ну и отоспался же я! Сегодня пришел в школу, а там ребята уже к экзаменам готовятся, в этом году у нас математика, столярное дело, работа по металлам и письмо. Учитель принес из библиотеки шесть учебников, мы по три человека расселись и читали. Я думаю, что с экзаменами хорошо справлюсь, хотя с февраля, как с Маккафой познакомился, стал меньше заниматься. Все больше мечтал и на ее портрет глядел.

9 апреля. С Маккафой почти не встречаемся, она взяла домой книгу и тоже занимается. Предметы у них какие-то странные – этикет, рукоделие и всякие тому подобные штуки. Нам, конечно, пару раз рассказывали, как следует вести себя в гостях, вилку держать и так далее, но разве наберется тут на целый год занятий? Да еще экзамен устроили!

20 апреля. Не хочу про экзамены рассказывать, ничего интересного не было. Разве что, когда с металлами возились, я себе палец обжег, хорошо что несильно. Холль разозлился и хотел меня выгнать, но потом передумал и даже хорошую отметку поставил. Но это вовсе не главное. Сегодня мы с Маккафой после школы у театра встретились, и она мне сказала, что через неделю уезжает на гастроли. У меня просто язык отнялся, стою как пень и сказать ничего не могу. «И надолго?» – спрашиваю. Она засмеялась и отвечает: «Как будто не знаешь, что до октября». Я, конечно, знал про гастроли, но почему-то думал, что она с дедушкой дома останется, а спросить не догадался. «Это точно?» – спрашиваю, хотя куда уж точнее. «Да что ты волнуешься, я же обратно приеду. Ты, кстати, уже решил, кем будешь? До выпускного всего год остался». – «А тебе два, – говорю, потому что пока не знаю, какую профессию себе выбрать. – Может, в Академию

пойду, на агронома или звероведа. У меня по природе хорошие знания». Я на самом деле уже думал об этом, но как-то вскользь. «А ты, наверное, в цирке останешься?» – «Если бы это было так просто, – вздохнула она. – Надо в каком-нибудь номере участвовать, не все же время мне на клоуне ездить. Он и так меня с трудом поднимает, а скоро вообще не сможет». Тут она меня за шею обняла и говорит: «Как ты думаешь, не смог бы ты что-нибудь необычное выдумать? Тогда мы могли бы вместе на арене выступать». У меня снова язык отнялся, потому как я на самом деле довольно стеснительный, мне неуютно в большом коллективе. А перед толпой номера откалывать – это вообще, наверное, мне не под силу. Но я ничего не сказал и постарался сделать вид, что обдумываю ее предложение, хотя на самом деле ни одной мысли в моей голове не было. Наконец я промычал что-то не слишком внятно, вроде как попробую, но не уверен, что у меня получится. Она обрадовалась и поцеловала меня, но тут целая толпа народа из театра повалила, и мы поскорее во дворы ушли. Снег как сошел, здесь всюду кучи мусора, но скоро их уберут, конечно. А пока мы кое-как между ними проскочили и к Хеттике вышли, за моим домом. Маккафа мне говорит: «Тебе надо внимательность в себе развивать, это очень важно для циркового артиста». – «А разве я невнимательный?» – спрашиваю. «Ты по-своему, конечно, внимательный, но не так, как нужно. Вспомни все случаи, которые с тобой были – с коньками, лыжами, со льдиной. На арене такие промахи очень дорого стоят». Я слушал ее и думал, что все происходило вовсе не из-за того, что я ворон считал (разве что когда я на льду споткнулся, да и то потому что на нее смотрел). А с разломившейся льдины я упал, потому что на мне цеплялки не были надеты, которые я ей же и отдал. Хотел я все это ей сказать, но промолчал, такой у нее голос был наставительный, что мне не захотелось спорить. А потом я вспомнил, что она скоро уедет, и вовсе про все остальное забыл, и спрашиваю: «Куда отправляетесь?» – «Ой, далеко! – Она развеселилась, я помню, как она говорила мне, что любит путешествовать. – Поедем на север, вдоль восточного побережья. Дорога до Азианы займет примерно месяц, там в самой столице будем выступать, представляешь? А потом обратно, вдоль западного берега – это еще месяц, итого четыре». Мне так завидно стало, что слов нет! Считаю, за одно лето всю Империю объедет. Все-таки, как ни крути, а в профессии циркового артиста есть положительные стороны. «Так ты, значит, опоздаешь к началу занятий?» – спрашиваю. Она засмеялась и ничего не ответила.

1 июня. Вот Маккафа и уехала, я смотрел, как их фургоны вереницей выезжают на Помидорную улицу. От цирка остался один каркас: каменное основание и деревянная коническая крыша. Даже клоун уехал, хоть он мне и не понравился. Но Маккафа, конечно, в любом случае отправилась бы с родителями, тут клоун не при чем».

Валлент перевернул очередной лист и внезапно понял, что читать стало намного сложнее, чем в самом начале. За окном уже сгущались сумерки, к тому же почерк юного Мегаллина все больше утрачивал округлость и становился отрывистым и резким.

Первая тетрадь была освоена примерно наполовину и, в общем, пока не дала магистру никаких значимых сведений. Да и нелепо было бы ожидать от мальчишеского дневника откровений, проливающих свет на события, отстоящие от описываемых Мегаллином на восемнадцать с половиной лет. Две фигуры из упоминавшихся в тетради будущего мага – Маккафа и безымянный брат одноклассника Клуппера – заслуживали того, чтобы инте-

решать их дальнейшей судьбой. Магистр надеялся, что они еще появятся на страницах дневника.

Глава 8. Версия

На среду Валлент наметил, в общем, только один разговор. Для этого нужно было отправиться в «Эврану», и будет лучше, если при этом его увидят там как можно меньше людей. Более подходящего времени, чем девять-десять часов утра, невозможно было придумать.

Магистр вынул из ящика две серебряных монетки, десяток которых вручил ему вчера Бессет, – попросив при этом расписаться в расходной ведомости, – выпил кружку холодного чая и вышел во двор, чтобы оседлать Скути. Тисса кормила десятка полтора полных цыплят и куриц, толпившихся вокруг ее ног, и приветствовала отца бодрыми словами. Похоже, сегодня у нее было хорошее настроение.

– Дай и мне тоже, – вдруг сказал Валлент и отсыпал из мешочка пшеничных зерен. – К обеду не жди, я задержусь сегодня на службе

Магистр хотел взглянуть на театр, цирк, суд, обыкновенные жилые дома глазами мальчишки начала века. Он хорошо помнил те времена, лишенные обреченности, пронизавшей все общество сверху донизу. И еще вчера ему казалось, что он уже избавился от бесплодной тоски по ним.

Однако привычки следователя подчинять второстепенное главному заставили его направить лошадь короткой дорогой, через Сермяжную площадь. Полупустые улицы позволяли ему устроить по ним скачку, но Валлент не был уверен в здоровье Скути и не хотел привлекать к себе внимания, так что прошло не меньше четверти часа, прежде чем вывеска с вычурно написанным словом «Эврана» не возникла перед его глазами. Когда-то почти весь фасад здания представлял собой полупрозрачные стеклянные панели, изрисованные аппетитными блюдами, картами, игральными костями, танцующими девицами и прочими атрибутами богемной жизни. Но во время народных волнений, случившихся в окрестностях торговой миссии Азианы, проголодавшаяся толпа заодно выставила стекла на первом этаже ресторана. Подкрепившись, народ продолжил разграбление миссии. С тех пор что-либо бьющееся напрочь исчезло из внешнего оформления «Эвраны».

Посетителей внутри не оказалось. Вообще, у Валлента создалось впечатление, что столики в той половине зала, что находилась ближе к выходу, стоят здесь только потому, что хозяину жаль их выбрасывать – уж очень у них был заброшенный вид. Зал освещался двумя десятками свечей, чьи желтые огоньки лепились к стенам на уровне головы. Из дверцы, прятавшейся за портьерой, выскочил мальчишка лет двенадцати.

– Отвести вашу лошадь в стойло, господин?

Валлент кивнул. Пройдя между двумя рядами деревянных колонн, подпиравших потолок, магистр подошел к стойке, по ту сторону которой расположился на стуле опрятный пожилой человек с несколько одутловатым лицом.

– Вам угодно завтрак? – равнодушно спросил он, толстым пальцем подвинув к магистру плотный листок со списком доступных угощений. Валлент склонился над ним и прочитал около десятка названий. Его привлекли печеный лангуст и жареные бобы под огуречным соусом. Он назвал их и отошел на приличное расстояние от стойки, выбрав столик с таким расчетом, чтобы его частично скрывала одна из колонн, но сам он в любой момент мог убедиться в том, что кравчий не подслушивает его разговор. Скинув плащ, он сел и принялся изучать резные панели на стенах, изображавшие сцены из общественной жизни Императора – его выход на верхнюю площадку ступеней своего дворца; верхом на коне с воздетой рукой; во время приема провинциальной депутации и тому подобное. Все эти картины, сильно приукрашенные резчиком, остались в прошлом и вызывали тягостное чувство.

Через несколько минут рядом с магистром появилась молодая женщина, на удивление стройная и привлекательная. Впрочем, именно такими и должны быть официантки. Ее пухлые губы сложились в дежурную улыбку, когда она встретилась взглядом с Валлентом и стала расставлять на столе тарелки.

– Угодно ли вам вина? – поинтересовалась она.

– Яблочное, – сказал магистр.

Пока Валлент пробовал на зуб бобы, оказавшиеся достаточно прожаренными, девушка вернулась и поставила рядом с ним бокал и маленькую пузатую бутылку. Какое-то время магистр размышлял, стоит или нет доставать амулет, чтобы подвергнуть блюда магической проверке на предмет подлинной свежести.

– Что-нибудь еще?

– Сядьте справа от меня, – решительным тоном произнес Валлент. Она ничуть не удивилась просьбе клиента, в ее лице на мгновение мелькнуло что-то хищное и самодовольное. Магистр предположил, что порой ей приходится выполнять не только функции официантки.

– Как вас зовут?

– Мунна, господин, – ответила она. Валлент мысленно поразился своей удаче и еще более внимательно всмотрелся в ее личико, почти не тронутое косметикой. Узковатые глаза Мунны слегка прикрылись, в отличие от губ, двусмысленно надувшихся. – А вас?

– Валлент, – проговорил магистр, не видя причин для скрытности. – Это вы доставляете обеды в Орден?

С ее лицом произошла обратная метаморфоза, и скучающее выражение вновь расплзлось по нему.

– Почему я должна отвечать вам, господин Валлент?

Магистр тщательно прожевал кусок лангуста и медленно развернул кольцо, врученное ему Дерреком, лягушкой наружу. Рот Мунны раскрылся, хотя она явно прилагала нешуточные усилия для того, чтобы не допустить этого, розовый язык сам собой вылез наружу и провел по пересохшим губам девушки. Затем шпилька выскочила из ее каштановых волос и, ввинтившись в бутылочную пробку, предприняла почти успешную попытку выдернуть ее из горлышка. Мунна хотела вскочить, но не смогла сделать ни единого движения, выпученными глазами смотря на магистра. Ее высокая прическа, потеряв поддержку, копной опала вниз и закрыла узкий белый лоб.

– Я наделен полномочиями Мастера, – сказал Валлент и отпустил ее. Воздушный кокон рассеялся с легкими завихрениями, пошевелив края скатерти. Он и сам не ожидал такой мощи от кольца Деррека, в несколько раз усилившего его собственные простейшие заклинания. Он так давно не пользовался магией второго уровня, что уже успел забыть, какого расхода энергии требует ее применение. Однако сил на то, чтобы вручную вынуть из бутылки пробку, у него достало.

– Да, я часто носила готовую еду в Орден, но в последний раз это было в июне, еще до того, как маги отправились в экспедицию, – тихо ответила она, с благоговением глядя на магистра.

– Кто из магов чаще всего пользовался вашими услугами?

Она смешалась и недоуменно подняла брови:

– Откуда вы знаете, что... это бывало? Маги очень неразговорчивые люди. Да ведь, в конце концов, это их личное дело, не так ли? Меня постоянно осматривает дипломированный врачеватель из Академии, так что ничего нехорошего с ними не должно было случиться.

На этот раз смутился Валлент, не ожидавший, что его поймут в таком смысле.

– О своей интимной жизни расскажете потом...

– Когда? – встрепенулась Мунна.

– Меня интересует магистр Мегаллин, – продолжал Валлент, заставляя себя сосредоточиться на деле, – его привычки, облик... в том числе моральный, конечно... Обращался ли он к вам с необычными просьбами, как выглядел и так далее. Лучше всего начните с начала.

– С какого начала? – опять поскуцнела девушка. – С детства, что ли?

– Эй, Мунна, тебя там Фляжжа спрашивает, – раздался голос кравчего, внезапно возникшего из-за колонны. Его маленькие глазки сверкнули, пройдясь по фигуре магистра. Девушка вопросительно взглянула на Валлента, и он с непримиримым видом отослал Друпона обратно:

– Подождет, мы недолго.

Старик нехотя удалился на свое место.

– Послушайте, – приободрившись, сказала Мунна. – Есть определенные правила, общие для всех клиентов ресторана. Вы можете заплатить, и мы уйдем в специальную комнату на втором этаже, где вы сможете расспрашивать меня сколько угодно. Прошу вас, если вам действительно что-то нужно узнать, сделайте так. Иначе потом из моего жалованья вычтут за даром потраченное время.

Предложение понравилось Валленту тем, что могло бы снять многие подозрения и кривотолки, которые возникнут, если он ограничится беседой с Мунной на виду у персонала «Эвраны».

– Отлично, – проговорил он и проглотил остатки бобов и лангуста, залив их добрым глотком вина. После чего они с девушкой подошли к стойке, и Валлент выложил на нее серебряную монету в сто дукатов. – Сдачу отдашь, когда я вернусь, – сказал он и направился вслед за Мунной, нырнувшей за плотную красную штору слева от полки с напитками.

Там начинался узкий короткий коридор, завершавшийся обыкновенной лестницей. Мунна с жеманным видом, поведя бедром, сделала Валленту знак рукой и скрылась за дверью с нарисованной на ней женской фигурой. Не желая тупо стоять возле туалета, Валлент поднялся на второй. Через несколько минут появилась и Мунна, успевшая избавиться от своего белого передника и надевшая на себя несколько дополнительных украшений.

– Здесь игорный зал. – Она кивнула на правую дверь и провела его в среднюю, оказавшуюся открытой. За ней открылся неосвещенный коридор. Мунна толкнула одну из дверей и вошла внутрь, Валлент последовал за ней и оказался в комнатухе размером шесть на шесть шагов, густо обставленной мебелью. Впрочем, подавляющую часть площади занимала кровать. Широко раздвинув шторы, через которые прежде едва проникал свет, магистр уселся в единственное кресло, спиной к окну.

– Вам нравится делать это при свете, господин Валлент?

– Что за однобокое отношение к посетителям? Я хочу видеть твое лицо, девочка. – Магистр достал из кармана прихваченную с собой бутылку яблочного вина. – На, выпей, и расскажи мне о своей работе в Ордене.

Она пожала плечами и плюхнулась на свою кровать, однако попыток раздеться не предприняла.

– Я ведь не все время официанткой работала, – сказала она. – Просто с каждым годом клиентов становится все меньше, вот хозяин и увольняет кого-нибудь постарше, а тех, кто остается, заставляет совмещать работу. Так что мы днем на кухне батрачим или обеды разносим по магазинам, а по вечерам еще и посетителей развлекаем. Мне, кстати, еще и готовить приходится, когда повариха не может.

– И сколько вас здесь трудится?

– Шесть официанток, трое кравчих, швейцар, поломойка...

– Достаточно.

Мунна потянулась всем телом и перевернулась на живот, ее голая нога согнулась в колене и стала совершать ритмичные движения.

– А в Орден я с прошлого года хожу, когда заказ бывает. Обычно в первой половине месяца, пока у магов жалование не закончилось.

– Как оформляется заказ на обед?

– Блоттер приходит часам к десяти и диктует дежурному кравчему, кому и какую нужно занести пищу. Часто он просто называет имя, и мы уже знаем, что магу требуется его обычный набор. Часов в двенадцать кто-нибудь упаковывает кастрюльки с едой в корзину. Туда же кладут тарелки, вилки и салфетку. Почти всегда корзину отношу я, в Ордене меня встречает Блоттер и помогает разнести заказ по кабинетам магистров.

– Они вступают с тобой в... беседы?

– Зачем? – удивилась девушка и даже приподняла со сложенных рук голову.

– Ну... например, просят полить цветы или вынести мусор.

– Да ведь для этого есть Халлика, – усмехнулась Мунна. – Она каждое утро работает там, как разгребет в «Эвране». И я не припомню, чтобы где-нибудь у них стояли цветы. Я ведь не в каждой комнате бывала. Нет, раза два замечала горшки у магистра Мегаллина...

– А в кабинете Мастера?

– Я никогда не была в нем, – хмуро ответила она и отвернулась. – Я вот отвечаю на ваши странные вопросы, господин Валлент, а вы даже не сказали мне, что в Ордене случилось, – проговорила она через какое-то время, пока Валлент собирался с мыслями.

– Это не имеет значения. Скажи-ка, часто к вам приходят азианцы?

Она снова взглянула на магистра и несколько долгих мгновений пыталась рассмотреть его лицо на фоне яркого окна.

– Мы ведь не воюем с ними, не так ли?

– Верно, девочка, но они тем не менее остались нашими врагами.

– Кому как. Азианцы очень вежливые, у нас не бывает с ними проблем. Если какой-нибудь пьяный хам пытается с ними поругаться, то быстро затихает.

– Почему?

– Откуда мне знать? Может, они тоже владеют магией воздуха.

– Мегаллин часто заказывал обед в Орден? – опять резко сменил тему Валлент.

– Сначала очень редко, один или два раза в месяц... Но с конца мая все чаще, а примерно с июня раза три в неделю. Он хорошо платил за свои причуды...

– За какие, например?

– Почему я должна вам об этом рассказывать? – возмутилась Мунна. – Это личное дело клиента и меня. Что это вы, в самом деле!

– Хорошо. Тебе не показалось, что в последние месяцы он несколько изменился? – осторожно поинтересовался магистр.

– Вы знаете, он ведь совсем не обращал на меня внимания, хватал свою тарелку и сразу дверь закрывал, а через полчаса я ее забирала. Мне даже обидно было, ведь он такой симпатичный человек. Но он все больше своими делами занимался. А в конце мая он мне сказал, чтобы я зашла к нему. Он знал, что к нему на третий этаж я в последнюю очередь добиралась, и никто из магов меня в это время с обедом не ждал. Я зашла и рядом встала, оробела, а у него такой вид дикий, словно у зверя, и кожа на шее почему-то желтая...

– Что было дальше?

– Как будто не догадываетесь! Точно как дикий на меня накинулся, думала, живой не выйду, но он только немножко мне платье порвал, почти незаметно. А как услышал, что ткань рвется, опять нормальный стал и как будто опомнился. И заплатить не забыл, по полному тарифу выложил, и больно мне не сделал. Но после этого мне как-то страшно было к нему ходить. Я даже Блоттера вместо себя посылала, чтобы он у него посуду забирал. Ведь он в июне уже, в начале месяца, по два раза в один день меня к себе затаскивал – когда я обед приносила и когда тарелку забирала. В конце у него уже на шее жуткие прыщи появились,

так неприятно было на них смотреть, и он меня всегда к себе спиной поворачивал. Будто чувял, что я его боюсь.

Кое-что из показаний Халлики, с которой Валлент беседовал накануне, прояснилось, когда он сопоставил показания обеих работниц ресторана.

– Значит, ты не разговаривала с ним?

– Что вы, он бы и не стал меня слушать, я же видела, еще ударил бы или чего похуже сделал, ведь он маг.

– А с июля ты уже не носишь в Орден обеды?

– Я же говорила – как многие маги уехали в экспедицию, меня и перестали звать туда.

Экономят, видно.

Судя по всему, девушка или не подозревала о смерти Мегаллина, или умело скрывала свое знание.

– Как магистр Мегаллин вел себя после... Э...

– Часто ложился на свой диван в углу и закрывал глаза, а я уходила, у меня было мало времени.

Валлент встал и пару раз обошел вокруг кровати, а девушка в это время перевернулась на спину и села, подтянув колени к подбородку. Пока магистр расхаживал перед ней, она следила за ним встревоженными глазами. Остановившись перед зеркалом, следовательно несколько минут рассматривал в нем съезжившуюся фигуру Мунны.

– Ты знаешь, как зовут азианцев, приходивших к тебе?

– Нет! – испугалась она, отпрянув и прижав ладони к груди.

– Зачем же так нервничать? – мягко проговорил Валлент, приближаясь к ней и наклоняясь над кроватью. – Как звали самого щедрого? Скажи мне, я ведь все равно узнаю у кравчего или других девушек.

Ее рот открывался, словно пытаясь выдать из себя какие-то слова, и закрывался снова.

– Но я правда не знаю их имена! – с плачем в голосе воскликнула Мунна. – Они такие сложные, я не смогла запомнить...

– Довольно! – оборвал ее магистр и прижал кристаллик александрита к ее виску. Девушка закрыла глаза и обмякла, следовательно пришлось поддержать ее и уложить на спину. Наклонившись к ее уху, он медленно и внятно сказал: – Ты будешь думать, что к тебе приходил обычный клиент.

Магистр сильно сомневался в своих ментальных способностях, но уповал на кольцо Мастера, в десятки раз усилившего его довольно посредственные магические способности. Это был неплохой и вполне законный способ заставить ее забыть о разговоре с ним. Он задрал ей юбку, стащил с нее шелковые трусики и швырнул их на кресло – маловато, конечно, для полноценной имитации, но на большее у него не было ни желания, ни времени. Затем следовательно приподнял ей голову и легко похлопал по щекам, приводя в сознание. После этого он сделал вид, что расправляет на себе одежду, и как раз вовремя – Мунна открыла глаза и удивленно оглядела себя и магистра, с довольным видом покидавшего будуар.

Сейчас, по крайней мере, у него имелась версия того, как Даяндану удалось заполучить вожделенный фолиант. Пусть довольно сомнительная, но все же достойная того, чтобы ею заниматься.

Кравчий выдал Валленту горсть мелких медных монет.

– Я ни разу вас здесь не встречал, господин, – вежливо сказал он.

– Меня зовут Валлент, я приезжий, – сообщил магистр. Он наклонился к собеседнику и понизил голос: – А как ваше имя?

– Друппон, – насторожился кравчий. – А что?

– Дело вот в чем, дорогой Друппон, – доверительно начал следователь и обернулся, но зал был по-прежнему пуст. – Я коммерсант и хотел бы завязать деловые отношения с Азианой, ведь все мы могли бы иметь гораздо больше за те же деньги. Вы понимаете? Я слышал, что азианцы иногда приходят в ваш ресторан и даже посещают девочек.

Друппон находился в явном смущении, не совсем понимая, чего от него хотят. Магистр сомневался в том, что и сам смог бы внятно развить свое высказывание относительно торговли с Азианой, если бы кто-нибудь потребовал от него комментариев к его маловразумительной сентенции. Не дожидаясь лишних вопросов, Валлент выложил на стойку монетку в три дуката и попросил назвать ему имена иностранных гостей «Эвраны».

– Конечно, господин Валлент! – с готовностью воскликнул Друппон. – Я не всех знаю, но несколько раз слышал, как они обращались друг к другу. самого важного из них зовут Даяндан, он почти всегда молчит и ничего не пьет, еще одного – Фееруз, а третьего, кажется, Баурон. Бывают и другие, но редко, и я не знаю их имен.

– Вы не помните, когда Даяндан появился здесь впервые?

– Да уж года два как ходит, не меньше.

– Ясно, – протянул Валлент. – Постоянный посетитель, значит. Они поднимаются на второй этаж?

– Да, почти каждый раз, причем сразу все. Однако не в наших правилах ограничивать фантазию клиентов, ведь платят они полную стоимость. Мы даже не заставляем их сдавать оружие – двое из них всегда со своими кривыми саблями, прячут их под плащами. Даяндан приходит без оружия, поэтому мне кажется, что он у них главный.

– Это замечательно, – восхитился магистр. – И что, они всей толпой вваливаются в будуар? Как на это смотрит «официантка»?

– Да никак! Ее ли это дело? Я вам так скажу, господин Валлент: клиентов у нас и так не густо, если мы введем какие-нибудь ограничения, их станет еще меньше. Нам это нужно?

– И кого же они предпочитают?

– Когда как, но чаще всего Мунну, – ухмыльнулся Друппон, – ведь у нее глаза уже, чем у остальных. Я так думаю, она напоминает им женщин родной страны. То есть провинции, конечно.

– Часто они здесь появляются?

– Почти всегда по субботам, но иногда бывают и в другие дни. Хотя наверняка сказать не могу, я ведь не все время в вечерней смене. Но приходят только по вечерам, это точно.

Валлент поблагодарил словоохотливого Друппона и двинулся к выходу из ресторана. В самом деле, посетители не баловали заведение – за час с лишним, что магистр провел в нем, сюда никто не зашел. Возможно, ближе к вечеру «Эврана» выглядит не такой безлюдной, но его это уже не интересовало.

Глава 9. Призраки прошлого

Юный конюший вывел ему Скути и вручил поводья, приняв как должное самую мелкую медную монетку. Стоило бы поехать в Орден, но Валленту отчаянно не хотелось погружаться в затхлую атмосферу лабораторных экспериментов, и пшеничным зернам сегодня, видимо, предстояло проболтаться в кармане его плаща. Вместо того, чтобы направиться к Ордену, он свернул направо и прогарцевал мимо Консульства Азианы. Серый двухэтажный особняк возвышался между полуразрушенной торговой миссией и парком, огороженным азианской же чугунной решеткой. Вместо того, чтобы пересечь Хеттику по горбтому каменному мосту, магистр предпочел свернуть в относительно узкую калитку, служившую южным входом в парк, и это было правильно – путь по левой набережной занял бы намного больше времени. По аллеям парка не возбранялось разъезжать на лошадях, нужно было лишь следить за тем, чтобы не покалечить какого-нибудь престарелого пешехода, и не скакать во весь опор.

Дорожка, посыпанная гравием пополам с крупнозернистым песком, изгибалась вместе с берегом Хеттики, от которого шел отчетливый запах тины и разложения. Летом урез отступил и местами обнажилось серое дно с навеки впечатавшимися в сохлый ил обломками цивилизации – какими-то ржавыми обломками, бутылками и прочей дрянью. На полпути лошадь Валлента стала объектом охоты бездомных псов, и магистру пришлось пустить в дело магию, накрутив наглецам хвосты. Солдаты Императора нещадно истребляли одичавших зверей, но те плодились почти так же быстро, как погибали.

Вскоре следователь выехал к северной калитке, миновал ее и очутился прямо напротив Камерного театра. На его конической крыше гордо встал на дыбы каменный конь с крыльями, несмело согнутыми в суставах, как будто он не знал, в состоянии ли воспарить над толпой. Центральная дверь была, конечно, заперта – труппа находилась на гастролях, как обычно в летние месяцы. Магистр обнаружил за углом обшарпанную дверь, спрыгнул с лошади и дернул медную ручку. Не рискуя бросить Скути на улице, магистр ввел ее под своды культурного учреждения и, нащупав в полумраке какую-то перекладину, привязал к ней свою лошадь. За плотной шторой, верхняя часть которой терялась где-то в необозримой вышине, обнаружился длинный коридор с расположенными по левую руку дверями. Справа начинался выход на сцену, но туда Валлент не пошел, а вместо этого стал толкать двери, снабженные табличками вроде: «Директор», «Режиссер», «Бутафор», «Интендант», «Гример», «Спецэффекты» и так далее. На двух-трех были пришпилены самодельные картонки с незнакомыми Валленту именами. Магистр уже начал подозревать, что проник в совершенно пустое здание, как неожиданно последняя дверь легко подалась под его напором и приветливо распахнулась, открыв его взору вытянутую комнату с единственным окошком. Ее обильно захламлял театральный реквизит, одежда – не исключено, что также бутафорская, – сухие хлебные корки и пустые бутылки из-под дешевого вина. На простой деревянной кровати, застеленной рваным матрасом, лежал седой и грязноватый старик. Пробудился он лишь тогда, когда Валлент споткнулся о ножку вешалки и едва не свалился на клочок грязного пола между кроватью и трехногим покосившимся столом.

– Эй, вы кто такой? – просипел старик, пытаясь встать со своего ложа.

– Не волнуйтесь! – воскликнул Валлент. Полагая, что не встретит активного сопротивления хозяина, он подцепил пальцами створку окна. Она не поддавалась, и тогда он ударил по раме снаружи тугим потоком воздуха.

– Вот спасибо, дорогой господин, – пробурчал старик, когда теплый ветер зашевелил тряпье. – А я сколько ни старался, ничего у меня не получалось. У вас случайно бутылочки с собой не найдется?

– Увы, – сокрушенно пробормотал Валлент. – Старина Бузз давно сюда заглядывал?

– Неделю назад, наверное, если не больше. А вам он зачем понадобился? Если что расписать или какие другие дела с красками, то я тоже вполне гожусь. Он ведь, можно сказать, мой ученик. Возьму недорого.

Пожилый художник – Валлент припомнил, что в дневнике Мегаллина упоминалось его имя, Наггульн – приободрился и принял-таки сидячее положение, забрав себе в голову, что посетитель намерен сделать заказ. Магистр поразмыслил и пришел к выводу, что это неплохой повод для знакомства с Буззом. Уже за одну идею с заказом старик заслуживал стакана вина, и Валлент, пошарив в кармане, отыскал среди зерен монету.

– А вообще-то он должен здесь находиться? – поинтересовался магистр, вертя медяшку пальцами. Этот вопрос почему-то насторожил старика, и он оторвал горящий взгляд от монеты.

– А почему вы интересуетесь? Вы хотите заказать нам работу или нет?

– Хочу, конечно, мне нужна новая вывеска на мой магазин, – заверил собеседника Валлент и выложил монету на стол. – Это вам для подкрепления сил, но вы ведь понимаете, что я должен знать об исполнителях как можно больше. Как я понимаю, господин Бузз не поехал вместе с трупшой на гастроли?

– Да кому мы там нужны? В этакую дыру, в Энтолан отправились! Ладно хоть, дармовых фруктов навалом... Все декорации давно нарисованы, выглядят как новенькие, не зря же мы свой хлеб едим... Господин, вы не пожалеете, что наняли нас. Бузз-то вряд ли станет вашей вывеской заниматься, но я получше него ремесло знаю, это точно. Считай, уже лет сорок как только этим и живу!

Валлент подумал, что нужно увести ход мыслей старого художника от пресловутого заказа, и спросил:

– Почему же господин Буззон не сможет этим заняться? Он так занят или ему не нужны деньги?

– Деньги-то? Он ведь неплохо на своих картинах зарабатывает, зачем ему еще какие-то вывески рисовать? Как перед войной Мастера написал, так и зажил по-человечески, в музее стал выставляться. А вот я возьмусь. Уверяю вас, лучше меня...

– И где же находится его студия?

– Да здесь, в соседней комнате, где же еще? Хотите взглянуть? Он не будет возражать, если я продам что-нибудь из его работ.

Старик кое-как поднялся и доковылял до двери. Рядом с ней на гвоздике висел ключ, который он и снял. Магистр последовал за хозяином, без особого интереса ожидая встречи с искусством Бузза – театральные декорации всегда казались ему тупиковой ветвью в живописи. Порядка в соседнем помещении было едва ли больше, чем в жилище старца, но там по крайней мере все предметы имели свое назначение и отсутствовал пищевой мусор. Большая часть полотен, свернутых в рулоны, лежала где придется, в основном на широком стеллаже. Штук тридцать картин висели на дощатой стене, припиленные мебельными гвоздями, а одна, едва начатая, красовалась на мольберте. Магистр не считал себя знатоком живописи и не держал дома картин, но сразу понял, что работы Бузза не похожи на театральные декорации. Линии на его картинах, в большинстве своем написанных пастелью, изредка красками или обычным графитовым карандашом, не имели выраженной четкости и словно теряли свои концы в цветных разводах. Большая часть полотен изображала городские постройки или сценки с участием обыкновенных граждан. Например, торг возле рыночного лотка, заваленного тканями, выезд скаковых лошадей из загона перед заездом, расчистка снега возле парадного входа в театр и так далее. На некоторых красовались различные части одного и того же пейзажа, увиденного художником откуда-то с высоты – разноцветные аккуратные

дома в окружении садов, или императорский дворец при разном освещении, с видом поверх одних и тех же крыш.

Валлент прошел вдоль правой стены, внимательно рассматривая картины, и остановился перед одной из них, сюжет которой был позаимствован из циркового представления. Одетый в красное маг, распахнувший полы своего плаща, в следующий момент должен был сомкнуть руки и закрыть тканью очень красивую, броско одетую юную девушку. На лице мага явственно читалась его безграничная власть над слабым существом, склонившимся перед ним на арене. Эта картина была написана масляными красками. Глядя на нее, магистр вспомнил, что много лет назад, когда Меллену было пять или шесть лет, он раза четыре подряд водил его в цирк, и любимым зрелищем сына был именно выход мага. Он так и говорил Валленту: «Пойдем в цирк, на мага посмотреть». Как сейчас понимал магистр, программа у того не отличалась особой сложностью. С тем кольцом, что носил сейчас Валлент, он после некоторой тренировки смог бы повторить многие из его номеров, но для детей, конечно, все эти трюки с исчезновением девочки, ее раздвоением, огненным дождем и другие казались настоящим чудом. Спустя какое-то время маг исчез из программы – ходили слухи о запрете его выступлений в связи с нежелательностью публичной демонстрации возможностей членов Ордена. Слабые попытки магов мелкого пошиба воспроизвести на арене нечто подобное не имели успеха у публики. Вспоминая эти полузабытые детали свое прошлой, довоенной жизни, Валлент вдруг понял, что выступающий на арене цирка маг знаком ему... Это был Деррек, молодой, лет двадцати отроду, но все же узнаваемый Мастер Ордена магов.

– Я хочу купить эту картину, – сказал Валлент.

– Бузз часто говорил мне, что это одна из лучших его работ, – пробормотал старик.

– Я и сам это вижу. Он запретил ее продавать?

– Нет, не совсем... Я не знаю, сколько он хотел бы за нее получить. Просто он несколько раз брал ее с собой на ярмарку, когда у него кончались деньги, но на нее не находилось покупателя. Я так думаю, что он просил за нее слишком много.

Валлент не стал продолжать дискуссию и сдвинулся левее, к той небольшой части стены, на которую падали косые лучи полуденного солнца. Там висело около десяти небольших картин, скорее карандашных набросков, на них были изображены люди – торговец, ветеринар, дворник и другие. Особое, центральное место занимали рисунки двух человек, неуловимо отличавшиеся в технике исполнения – одной молодой женщины значительной упитанности и молодого же человека с отрешенным взглядом, смотревшего как бы сквозь зрителя. Валлент подавил желание оглянуться, настолько живым представился ему неведомый субъект. Слегка вытянутое ровное лицо завершалось внизу короткой темной бородкой, а в правильных чертах лица сквозь видимое благодушие сквозило что-то нечеловеческое. Магистр всмотрелся в ряд мелких значков в правом нижнем углу рисунка. Там было небрежно написано: «811. Мегаллин».

– Надеюсь, эти рисунки продаются? – с тревогой поинтересовался Валлент, поворачиваясь к старому художнику. Тот опять с некоторым сомнением покрутил глаза, пожал плечами и наконец, к облегчению магистра, махнул рукой.

– Правда, Бузз никогда не брал эти работы на ярмарку...

Но Валлент уже достал из кармана двадцать дукатов, вид которых развеял слабые сомнения продавца. Тот схватил монету и поднес к глазам, будто сомневаясь в ее подлинности, а Валлент аккуратно отколол рисунок от стены.

– Не желаете ли вставить его в рамку? – спросил Наггульн в порыве великодушия. Магистр кивнул, и хозяин споро извлек из коробки застекленную раму, идеально подходившую по размерам к рисунку. – Ну вот, теперь и на стену повесить не стыдно! Вы, наверное, знаете этого человека, господин? Иначе зачем бы он вам понадобился?

– Может быть, – туманно ответил Валлент. – Кажется, где-то встречал, а вот где – не могу вспомнить. Может, вы мне подскажите?

– Отчего нет, я его с малых лет знаю, они с Буззом к нам в театр, считай, почти каждый день прибегали! Да, часто они тут бывали, а потом все больше Бузз, он мне помогать начал, а мальчик этот – да ведь у него здесь мать работала, в гримерке – перестал приходить, редко когда заглядывал. Да вот тут написано, что его... Мегаллин его зовут. Может, по имени помните?

Магистр отрицательно помотал головой.

– Такое впечатление, что он маг, – сказал он. – Одет так строго. Жалко, что цвет плаща неизвестно какой.

– Красный он, верно! Как вы так догадались? Хороший был человек, всегда Буззу помогал деньгами, когда у него третий ребенок родился. И заказ на портрет Мастера он ему оформил.

– Был? – быстро спросил Валлент. – Неужели он умер?

Старик с остановившимся лицом повернулся к двери и сделал вид, что у него чрезвычайно туго со временем.

– Прошу вас, господин Наггульн, расскажите мне о Мегаллине! – вскричал Валлент, не зная, каким способом привлечь внимание старого художника, готового распрощаться с гостем.

– Откуда вы знаете мое имя? – Старик обернулся и подозрительно уставился на гостя.

– Я читал подписи к афишам, – пробормотал магистр.

Наггульн сел на стул и как-то обмяк, будто из него выдернули невидимый железный стержень.

– Я уже лет десять, как ничего не рисовал. Вы могли видеть мое имя на афише, только если в спектакле использовались старые декорации. А сюда меня Бузз пустил, сторожем, ведь я уже давно не работаю в театре... Они в конце июня приходили... Бузз и Мегаллин. Сейчас он, конечно, постарше выглядит, не так, как на старой картине, все-таки восемь лет прошло. Есть ведь и новая, Бузз ее не хотел писать, но Мегаллин сказал, что владелец этой картины скоро заработает на ней тысячи дукатов. Я в своей комнатухе лежал, то есть в чулане, а они здесь разговаривали, но мне все слышно было. Бузз очень быстро рисовал, ну и согласился наконец, но я слышал, что он был какой-то нервный и чего-то будто боялся. Через час магистр Мегаллин ушел, я заглянул сюда его проведать, а Бузз какой-то белый сидел на стуле, и руки висели. Я его растолкал, но он был очень слабый и не мог сам подняться. «Поверишь, нет, Наггульн, – сказал он мне, – всего час работал, а устал, будто весь день кирпичи таскал». Я посмотрел на мольберт, он был завешен куском ткани, я хотел его откинуть, но Бузз схватил меня за руку и не дал этого сделать. «Лучше не смотри, – сказал Бузз, – он совсем не похож на того мальчишку, с которым мы когда-то дружили». Так что я так и не увидел, каким стал этот Мегаллин. А Бузз отнес картину домой и, кажется, где-то спрятал, он не хотел ее никому показывать. Интересно, почему за портрет этого Мегаллина могут выложить тысячу дукатов? Вы не знаете, а?

Валлент помолчал, пытаясь осмыслить рассказ старого живописца. У него, конечно, было свое мнение на эту тему, но прямо высказывать его собеседнику он не стал.

– Наверное, он рассчитывает стать знаменитым, – предположил магистр, сознательно говоря о погибшем маге в настоящем времени. – Больше вы ничего не помните? – спросил он.

– Это все, – вздохнул старик и вышел из мастерской, приглашая Валлента за собой. Тот также покинул комнату, попрощался с Наггульном и двинулся к выходу, поместив приобретение в самый большой внутренний карман своего плаща.

Как ни душно было в здании, снаружи оказалось еще жарче, и Валлент решил с ветерком промчаться по Театральной улице до цирка. Но сначала он, наученный опытом, зашел в ближайшую к театру лавку и купил бутылку самого дешевого вина, уважаемого в народе.

В середине дня жители предпочли спрятаться под крышами домов. Одиноким всадник миновал пустынную Конную площадь и свернул на Помидорную улицу, от которой ответвлялась короткая кривая улочка без названия, упиравшаяся в цирк. Крупный яркий флаг, обычно развевавшийся над его крышей, бессильно обвис в безветренном воздухе. Почти вплотную к цирку стоял огромный дом, скорее напоминавший барак, в котором снимали квартиры или попросту жили артисты, обслуживающий персонал и их семьи. Возле него в пыли играли подростки, при появлении Валлента бросившие свои занятия. Тут же, поблизости, под навесом вяло переговаривались две старухи. Магистр подъехал к ним и степенно слез с лошади.

– Добрый день, дамы, – промолвил он с поклоном, привязывая Скути к стойке навеса.

– Здравствуйте, господин, – нестройно ответили они.

– Меня зовут Валлент, – представился он. – Я пишу книгу об истории цирка, знаменитых артистах и драмах на арене.

Старухи переглянулись и недоверчиво покачали головами, и было отчетливо видно, что речь визитера до крайности поразила их.

– Вы это серьезно? – наконец выдавила одна из них. – Вы писатель?

– Разве в этом есть что-то странное? Как, по-вашему, люди будущего узнают о великих жонглерах и престижитах? Мне нужно поговорить с пожилыми артистами, выступавшими еще в прошлом веке, расспросить их, как они жили и работали. Я хочу начать с самых древних времен и закончить нашими днями. К кому я могу обратиться?

Старухи надолго погрузились в молчание, хмуро изучая магистра и его лошадь. «Будущего...» – пробормотала себе под нос одна из них. Валлент не заметил, как мальчишки столпились позади него и молча переглядываются.

– Вам в пятую квартиру надо, – вдруг заявил самый смелый, – моя бабушка ходила по канату. Пойдемте в пятую, я вам покажу.

– Подумаешь, канат! – фыркнул другой. – Вот мой дед гири кидал одной рукой. Он, правда, умер в прошлом году. Но гири кидал будь здоров!

– Это что! – вступил третий. – Мне мама рассказывала, как ее бабушка глотала огненные шары, а потом выплевывала их и они взрывались.

Тут загалдели все разом, даже старушки очнулись и стали наперебой рассказывать о своей цирковой молодости – кажется, они дрессировали собак или что-то в этом роде. Так что магистр несколько растерялся, пытаясь из моря словесной шелухи выудить нужное ему сообщение. В какой-то момент ему показалось, что он услышал то, что хотел, от мальчика лет десяти, нерешительно стоявшего поодаль.

– Что ты сказал, малыш? – обратился к нему Валлент, преодолевая шум.

– Мой дедушка – клоун, – повторил тот через силу. Громкий смех товарищей сопровождал слова парнишки.

– Сам-то ты клоун, Фуллер! – крикнул кто-то, и гогот возобновился с новой силой. Но он тотчас прекратился, когда Валлент подошел к мальцу и положил руку ему на худое плечо.

– Пойдем к твоему дедушке, малыш, – сказал он. Тот недоверчиво поднял голову, но магистр сохранял серьезность, и Фуллер, торжествующе покосившись на товарищей, быстро пошел перед Валлентом, увлекая его в темные внутренности барака. Затхлый запах прогнивших деревянных перекрытий, старой штукатурки и скопившихся по углам кошачьих нечистот ударил в ноздри магистру.

Квартира клоуна располагалась примерно посередине здания, на втором этаже. Мальчик распахнул перед гостем дверь, и Валлент оказался в неожиданно опрятном жилище, хоть

и бедно мебелированном. Из кухни, где на плите скворчала сковорода с чем-то аппетитным, вышла женщина средних лет и вопросительно воззрилась на магистра.

– Мама, господин Валлент – писатель и хочет поговорить с дедушкой, – выпалил парнишка и бросился в соседнюю комнату, где, по всей видимости, и находился престарелый клоун.

– Но ведь он почти ничего не слышит! – удивилась хозяйка. Откровенно говоря, Валлент с самого начала не слишком рассчитывал узнать здесь что-нибудь действительно интересное, но известие о глухоте клоуна все же огорчило его. Он прошел вслед за Фуллером и увидел сидящего на кресле сгорбленного старика, совершенно лысого. Он безучастно внимал внуку, который пытался что-то ему втолковать, засунув губы в отверстие слухового аппарата. Магистр обрадовался, что ему не придется вновь излагать свою легенду. Старик выслушал объяснения и обратил взгляд на вошедшего гостя, одновременно поворачивая к нему слуховую трубку.

– Это вы тот самый историк? – скрипуче спросил он.

– Да, да! – крикнул мальчик ему в ухо.

– Что вы хотите узнать?

– Прежде всего, как ваше имя?

– Дедушку зовут Шматток, это его сценический псевдоним, он для него все равно что имя. Мы его так и называем. Что мне ему передать?

– Скажи ему, Фуллер, что я хочу написать о клоунском искусстве с древних времен до наших дней. О великих паяцах, в том числе о нем самом, и о людях, с которыми ему довелось работать.

Пока мальчик пересказывал просьбу Валлента в трубку, в комнату вошла мать Фуллера с подносом, на котором стояла чашка с чаем, пахнувшим довольно приятно, а рядом с ней благоухала внушительная плюшка, и протянула все это гостю. Валлент со словами благодарности принял угощение и впился зубами в булку, и в это время заговорил старик Шматток:

– Кабы не так трудно было мне говорить, я бы уж порассказал вам о прошлых деньках. – Он покосился в сторону кухни, куда удалилась хозяйка, а затем выжидательно – на Валлента, и тот сразу сообразил, в чем нуждается старик. Достав из кармана бутылку, он выдернул пальцами пробку и протянул емкость страждущему клоуну. Шматток мгновенно извлек откуда-то стакан и наполнил его темной влагой, после чего молниеносно осушил его и заметно подобрел.

– Да, смотрел я на нынешних клоунов, – сказал он. – Да вы, поди, и сами в цирке бывали, коли за книгу взялись. И что же? Все приемы и шутки слизали с прежних номеров! Вы, может быть, подумаете, что я уже старый и ничего не соображаю? – Бывший клоун выпрямился в кресле, но тотчас схватился за поясницу, скривился и принял прежнюю скрюченную позу. – Я все понимаю, и в цирке был совсем не так давно... Дай Бог памяти... Да еще и трех лет не прошло! И вы думаете, этот молокосос Смяшша придумал что-нибудь свое? Да все так же велосипед вверх ногами ставит и падает с него на задницу, как и я, и все другие до меня.

– Дедушка, он еще в кучу мусора лицом падает! – прокричал Фуллер в раструб слуховой трубки. Старик вздрогнул, недоверчиво покосился на внука и покачал лысой морщинистой головой.

– В мусор, говоришь? Ну, это он из жизни взял, ничего не скажешь! Только разве это смешно, если всякая дрянь на улицах лежит? Я-то не хожу по ним, а то бы и сам обязательно в кучу свалился, а он из этого номер сделал! И что, его еще не арестовали? Не понимаю, как такие вещи можно на арене показывать. Клоун должен смешить публику, так меня учили с самого детства, а ты говоришь – мусор! Кому это интересно, если все и так его каждый день видят?

Валлент подумал, что надо каким-то образом направить поток мыслей престарелого клоуна в нужное русло. Он поставил поднос с опустевшей чашкой на тумбочку и наклонился к старику, отодвинув Фуллера от слухового аппарата.

– Расскажите о своих номерах! – сказал он.

– О своих-то? – запнулся Шматток. – Да разве ж можно придумать что-то свое, чего никто до тебя не делал? Мне это, правда, удалось, не то что нынешней молодежи, они все у стариков норовят выпросить да потом на арене и представить! А вы не из тех ли, кто чужие репризы за свои выдает? – Он отодвинулся от магистра и вонзился в него острым испытующим взором.

– Дедушка, господин Валлент никогда не выступал в цирке! – авторитетно вступился за растерявшегося гостя мальчик. Этот примитивный аргумент благотворно подействовал на старика, развеяв его приступ недоверчивости. Он вновь наполнил свой стакан и выверенным движением опустошил его. Желтоватые щеки старика слегка порозовели, а в бесцветных глазах появился слабый блеск.

– А то знаю я вас, сначала выпросят, а потом глядишь – твой номер уже на арене, и конференсье уже объявляет: «Клоун Хаххох со своей оригинальной хохмой!» Этак все заслуги старого мастера можно себе приписать, уж я-то знаю, сам... ну да ладно, чего там, раз уж вы не клоун, могу и рассказать. Только разве теперь вспомнишь, какие у меня номера были – я их столько поставил, что и не счесть... Самое первое свое выступление как сейчас помню: выхожу я на арену, объявляют, что я молодой клоун Шматток, и уже от одного моего сценического имени все засмеялись. А сейчас разве имена – так, глупости, Смяшши да Хаххохи и прочая дребедень. Я тогда на чурбаках стоял и бутылками жонглировал... – Старик оживился и плеснул себе еще напитка. – Сейчас такими штуками никого не удивишь, а меня встречали как самого знаменитого артиста!.. А вообще я всегда старался один работать, а то от помощника всегда каких-нибудь ошибок ждешь. Там не допрыгнет, тут упадет не к месту... Хорошо еще, что не мордой в мусор, спаси Бог.

Шматток надолго замолчал, уставясь в неведомую точку на стене, словно растерял весь свой словарный запас, и магистр собрался было слегка потормозить его, как старик неожиданно ясно и внимательно посмотрел на него и продолжал:

– Когда уж мне полсотни лет стукнуло, взял я себе напарницу, раньше она с отцом выступала, акробатом, пока он что-то себе не сломал. Сама меня уговорила, давай, мол, номер с велосипедом покажем – как я тебя учить буду, а ты падай, а в конце мы вместе свалимся. Потом я должен был посадить ее на закорки и увезти за кулисы.

– Спроси, как ее звали, – попросил Валлент мальчика, с вежливой скукой внимающего откровениям клоуна. Лицо исказила странная гримаса – смесь отвращения и экстаза, – натолкнувшая магистра на дикие предположения. Впрочем, в артистической среде существовали свои законы, с которыми ему редко приходилось сталкиваться во время службы в Отделе. Но тем не менее он представлял себе, на что готовы пойти люди, любой ценой добивающиеся публичного признания.

– Ее звали Маккафа, – сказал старик.

Магистр отстранил Фуллера от раструба и внятно, но не слишком громко произнес прямо в ухо артисту:

– Между вами существовали какие-нибудь отношения, кроме деловых?

Тот вдруг визгливо расхохотался, держась за спину.

– Она была такая красивая девчонка, особенно когда немного подкрасится! Наш выход всегда встречали громом аплодисментов. Правда, вначале мы делали вид, что я выбираю ее случайно, из тех, кто сидит на первом ряду. А потом бросили прикидываться, и на гастролях уже с самого начала выходили вместе. Как поехали в Азиану, наш номер стал усложняться. Она требовала, чтобы я, когда падал, будто случайно цеплялся за ее одежду. И к концу

выступления она оставалась только в трусиках! Толпа просто бесновалась от восторга! Ну и злился же я, что она выставляется перед всеми этими ублюдками, прямо убить ее был готов, так злился. Я все думал, когда она скажет мне, чтобы я с нее и последнее сорвал...

Старик распалился и вещал, не обращая ни на что внимания, словно заново переживая минуты своего триумфа.

– И родители не запретили ей? Ей ведь было только тринадцать-четырнадцать лет! – воскликнул Валлент.

– С какой стати?... – разозлился Шматток. – Гонорары за выступления у нее были – любой позавидует. Папаша у нее спился после того, как на арену перестал выходить, а мать свою она и не слушала вовсе.

Он отхлебнул прямо из бутылки, в которой оставалось совсем немного вина, и продолжал:

– Вы не думайте, Маккафа сама все эти трюки придумала... Потом еще я должен был на нее падать, а она... извивалась подо мной, как змея, и вылезала наверх, садилась на меня и лупила руками. Не знаю, как я с ума не сошел... Это был мой лучший номер за все годы, что я выступал на арене. Так что можете об этом написать. Только не надо говорить, каким способом она заставила меня включить ее в программу. Кому это интересно? А потом уж, когда она поняла, что без нее меня освищут, мне оставалось только выполнять ее приказы.

Престарелый клоун сделал еще глоток и раздосадованно заглянул в бутылку.

– Больше нет? – в упор спросил он застывшего Валлента. Тот отрицательно мотнул головой и опять наклонился к отверстию слухового аппарата:

– Что же было дальше?

– А ничего! Как вернулись с гастролей, так она меня и бросила. Уж ее и директор уговаривал, а она уперлась и говорит: «Не хочу больше выступать со Шматтоком, он уже старый, ему тяжело меня поднимать, и надоело мне». А я еще здоровый был, не то что сейчас, мог бы и двоих таких выдержать! Короче, с той поры у меня не заладилось. Я еще старался держаться, но когда мы на другой год опять поехали на гастроли в Азиану, толпа уже прогоняла меня с арены. А ее встречали как первую артистку, хотя она ничего такого и не делала... Так из-за нее и закончилась моя карьера... Вы только не пишите об этом, зачем это молодежи знать?

– А Маккафа? – спросил Валлент. Но старик уже замкнулся в себе.

– Теперь уж с ним бесполезно разговаривать, господин Валлент, – сказал Фуллер. – Будет сидеть и переживать, что ему не дали работать на арене и все такое. Лучше вы в другой раз приходите, когда он успокоится, а то он всегда злится, когда про свою Маккафу вспоминает. А как вспомнит, то ни о чем другом и говорить не желает, так что нам всем она уже страсть как надоела.

Валлент взглянул на отставного клоуна: тот смотрел прямо перед собой пустыми глазами, и его губы беззвучно шевелились.

Глава 10. Динника

«8 июня. Как всегда в первые дни после начала каникул, не знаю, чем заняться. Вроде бы и времени свободного навалом! Как Маккафа уехала, кажется, что в целом мире из ребят только я один и остался. Даже Бузз не приходит, все со своими картинами возится. Весь последний месяц он только тем и занимался, что декорации подновлял. Сегодня наш Камерный театр отправился на гастроли по стране, приедет только в начале сентября. С ним и мама уехала, мы с отцом ее провожали. Очень уж нам не хотелось ее отпускать, но директор пригрозил увольнением. И так каждый год! Но отец не отчаивается, говорит, что в испытаниях закаляется характер. Это точно, еще только первый день заканчивается, как ее нет, а почти вся посуда на кухне уже грязная. Так что, наверное, мне придется ее вымыть. Вот сейчас допишу и пойду, все равно отец меня заставит».

Валлент поднял глаза на портрет мага, который установил прямо перед собой, оперев его о погашенную масляную лампу. Ему показалось, что тот осуждает его за чтение чужого дневника, и рука магистра сама потянулась к тетради, чтобы захлопнуть ее. Но здравый смысл не дал ему этого сделать, и выражение глаз Мегаллина постепенно смягчилось, он опять смотрел сквозь Валлента, в невидимую тому даль. Магистр встряхнул головой и волевым усилием избавился от наваждения.

«9 июня. Жара такая, что чернила высыхают прямо в перо, так что писать почти невозможно. Ходили с Буззом купаться, на наше любимое место возле разрушенной городской стены. Там есть уступ, такой хлипкий на вид, что кажется, будто он вот-вот упадет, но он держится уже десятки лет. Вот ведь умели строить предки! Специально не захочешь сломать – и не сломается. И мы с этого уступа в воду прыгали, вместе с другими пацанами и несколькими взрослыми, там от воды локтей десять, не меньше. Я вперед руками, а Бузз как придется, в основном боком или на задницу, так что поднимается такая туча брызг и волна, что все вокруг чуть не тонут! Как-то там Маккафа поживает со своим клоуном? Я все представляю, как мы с ней целовались в последний день перед ее отъездом, у меня голова кружилась от ее запаха и вкуса. Но она долго не любит целоваться, и я считаю, что было бы несолидно к ней приставать».

12 июня. Каждый день ходим купаться, потому как делать больше нечего. А позавчера еще пошли на рыбную ловлю, туда же, где я в воду упал во время катания на льдинах. Притащил четырех карасей, сам почистил их и сварил уху. Получилось не так, как у мамы, но тоже неплохо. Отец меня похвалил, когда вернулся с дежурства. Он сегодня охранял какого-то проходимца, который с помощью магических порошков грабил магазины. Насыпал в клизму свое вещество и распылял его перед прилавком, когда никого вокруг не было, кроме продавца. Тот временно слеп, а вор запикивал ему в глотку кляп и обчищал кассу, и так раз пять или шесть, пока его какой-то магистр из Отдела частных расследований не вычислил. Я один раз ходил на открытое заседание суда, но мне не понравилось – скука страшная! Я думал, будет интересно, а там все время свидетелей опрашивали, потерпевших, и так битых два часа. Мне так надоело, что я ушел, не дождавшись конца, да и в туалет захотелось со страшной силой. Отец мне

потом сказал, что суд не успел закончить свою работу, и его перенесли на завтра. Можете себе представить, какая это тягомотина – засудить простого грабителя. А уж про сложные дела я и не говорю, по несколько дней тянется базар, иногда после всей этой возни преступника даже отпускают! Сидят там такие люди, с виду простые граждане, называются присяжными, понравится им кто, они и прощают его, говорят, что он хороший человек и уже исправился. Это понятно, кто ж захочет в кутузке сидеть, поневоле сразу исправишься. Отец в тюрьме сто раз был и говорил мне, что всякие злодеи там сидят в темных подвалах и тесных камерах, и там все время сыро, даже в самую сильную жару, потому что река буквально под боком, и воняет так, что хоть нос затыкай. Там как раз рядом трубы канализации из южного района выходят и все дерьмо в реку вытекает. Так на этой самой воде заключенным пищу варят! Понятно, что запах остается, хоть и не такой сильный, как перед кипячением, а все-таки заметный. Но все привыкли и не выступают. Даже охранники ту же самую пищу поедают, и ничего. А вообще, мне Бузз говорил, что есть такие люди, которые своей собственной мочой лечатся, так что, наверное, ко всему привыкнуть можно. Говорят, был такой случай в нашей тюрьме, когда-то очень давно, в прошлом веке: один преступник ухитрился решетку на своем окне перепилить и в реку спрыгнул. Так у него все ловко вышло, что никто ничего не услышал. А тут как раз очередная промывка труб приключилась, и на него куча городского дерьма выплеснулась. Он выскочил на берег и стал так громко ругаться и плевать, что выбежала охрана и повязала его. Так с ним потом целую неделю никто не хотел в одной камере сидеть, и пришлось беглецу одному скучать, пока вонь не развеялась, хоть он и помылся!

23 июня. Несколько раз ходили с Буззом в театр, директор поручил ему нарисовать декорацию к новому спектаклю, который они начнут репетировать осенью. Я точно не знаю, о чем там речь, да и Бузз тоже, но картинка сложные – интерьеры императорского дворца, кабака и рыночная площадь. Сегодня Бузз рисовал детали роскошного зала, а я их раскрашивал. Но мне все это быстро надоело, и я перестал ему помогать. После обеда пошел купаться, встретился с Клуппером, и мы с ним разговорились. Оказалось, что не такой уж он и вредный тип, просто от них отец ушел, а детей в семье всего четверо. Так что ему приходится подрабатывать в магазине магистра Блобба, его туда старший брат рекомендовал. Это на Подковной улице, и он туда чуть ли не каждый день ходит, отмывает посуду от магических смесей. И каждую склянку приходится чуть ли не по полчаса тряпичным ежиком тереть, прежде чем на стенках ничего не останется. Блобб потом проверяет своим амулетом, так что пока дочиста не отмоешь, денег не заплатит...»

Валлент усмехнулся, представив себе старину Блобба и его захудалый магазин на углу Подковной и Кривой улиц. Оказывается, двадцать лет назад он не умел применять магию для очистки отработанной посуды, и умеет ли сейчас – большой вопрос. «Надо будет спросить у него при случае», – подумал магистр и вернулся к чтению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.